

Е. Анисимов

ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ

Императорская Россия

«Питер»

2011

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)5

Анисимов Е. В.

Императорская Россия / Е. В. Анисимов — «Питер», 2011

ISBN 978-5-496-01168-6

Книга, написанная известным историком и писателем Евгением Викторовичем Анисимовым, содержит полную и всестороннюю информацию по истории императорской России – от Петра Великого до Николая II. Перед вами предстанут два столетия русской истории, во многом определившие дальнейшую судьбу страны. Это была эпоха, когда закладывались основы могущества России, эпоха становления великой державы. Но это же время обусловило и ее падение в 1917 году. В текст книги, выдержанной в традиционной хронологической манере изложения, включены увлекательные вставки: «Действующие лица», «Легенды и слухи», «Заглянем в источник», «Заметки на полях». Заинтересуют многих читателей и краткие справки: «Династическое древо», «Регалии государственной власти», «Ордена», «Знаменитые корабли». Прекрасный стиль автора и богатство представленного в книге исторического материала не дадут вам скучать.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)5

ISBN 978-5-496-01168-6

© Анисимов Е. В., 2011
© Питер, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
Россия в конце XVII – начале XVIII века	7
Люди и власть в допетровской России	10
Царь	10
Кризис русского общества	11
Переворот 1682 года. Установление триумvirата	13
Преображенские годы Петра	17
Кокуй и его обитатели – новые приятели Петра I	19
Переворот 1689 года. Конец триумvirата	21
Эпоха взросления Петра. Поездка в Архангельск	23
Азовские походы. 1695–1696	25
Великое посольство в Западную Европу	27
Бунт стрельцов. 1698. Развод с женой	31
Накануне Северной войны	35
Создание Северного союза. Северная война	38
«Нарвская конфузия»	40
Как «разгрызли» Орешек	45
Основание Петербурга	50
Возведение островной крепости	53
Перестройка сухопутной армии	58
Реформа местного управления. Создание Сената	60
Где взять деньги на войну?	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Викторович Анисимов

Императорская Россия

Предисловие

Эта книга о двух с небольшим столетиях русской истории, во многом определивших судьбу страны. Время существования Российской империи от Петра Великого до Николая II сделало Россию великой, заложило основы ее могущества, но и определило ее падение в 1917 году. Рассказать об этом этапе истории достаточно подробно, доступным языком и нескучно – задача книги. Структура ее обусловлена традиционным делением истории по царствованиям, хотя некоторые из них сведены в своеобразные блоки, обусловленные как традицией, так и близостью происходивших в них событий. Изложение в книге традиционное – от начала до конца каждого из 14 царствований, но текст книги разбивается вставками, которые играют роль дополнений, развивающих главные темы. Их несколько типов. **«Действующие лица»** – это краткие биографии участников исторических событий, о которых идет речь в книге. Эти своеобразные новеллы дополняются вставкой **«Легенды и слухи»**. Я исхожу из того, что читатель вправе знать, что думает профессиональный историк о различных противоречивых, таинственных или скандальных фактах и эпизодах истории. Это не копание в грязном белье, а суждение специалиста, человека своего времени.

Вставка **«Заглянем в источник»** – самый важный и часто применяемый вид дополнения в тексте книги. Дело в том, что трактовки историками тех или иных событий не всегда вызывают доверие читателя. Как правило, неизбежно возникают вопросы о том, откуда историк взял материалы для своих суждений и выводов, можно ли им доверять. Материалы, которыми пользуются историки, называются «источники». Как жаждущий в пустыне, каждый раз историк «припадает» к источнику, ищет его, чтобы черпать информацию, делать выводы. Нередко он ревниво относится к находке, так сказать, загораживает источник от читателя спиной. По моему, это неправильная позиция. У историка не должно быть тайн от читателя, к тому же даже опубликованные (не говоря об архивных) источники бывают иногда труднодоступны для читателя – они напечатаны в старых или старинных журналах, сборниках документов, в редких изданиях. В этой книге я стараюсь как можно чаще обращать внимание читателя на источник, стремлюсь помочь заглянуть в него, вызвать интерес к проблеме правомерности той или иной трактовки исторических событий. Конечно, часто нет смысла давать документы в полном объеме и обязательно их комментировать согласно принятым в науке правилам. В одном случае нужна большая цитата, где-то следует адаптировать трудное место, но суть все же остается – пусть читатель сам ознакомится со знаменитым историческим документом, почувствует «аромат» прошлого.

Еще одна вставка – **«Заметки на полях»**. Известно, что порой читать сплошной текст книги без пауз и раздумий невозможно. Поэтому читателю нужен «передых», остановка, осмысление прочитанного раньше. Лышу себя надеждой, что мои заметки в чем-то помогут читателю осмыслить историю. В основе этих размышлений стоят извечные вопросы: почему это все у нас получается не как у других, в чем причины наших успехов и неудач, почему Россия идет таким путем, как сейчас, и что ее ждет впереди?

Кроме всего этого, в книге даны краткие немногочисленные справки, которые заинтересуют многих читателей: **«Династическое древо»** (состояние царской семьи, родственники государей), а также **«Регалии государственной власти»**, **«Ордена России»**, **«Знаменитые корабли»**.

В конце книги дана подробная хронология, а также список рекомендуемой литературы, чтобы читатель, которого заинтересовала какая-то тема, мог познакомиться с ней более подробно.

Анисимов Е. В., доктор исторических наук, профессор

Часть I

Россия в конце XVII – начале XVIII века

Россия в конце XVII – начале XVIII века

Уже в конце XVII века Россия была одной из самых больших стран мира. Ее западная граница с Польшей проходила у Смоленска и Киева, на востоке она достигала берегов Охотского моря. На севере рубежи России терялись среди снегов побережья Северного Ледовитого океана, а с постов на южной границе России был виден Главный Кавказский хребет. Это была страна густых лиственных лесов и тайги, топких болот, полноводных рек, бескрайних пространств тундры на севере и тучных черноземных степей южнее Воронежа и Ельца.

Если бы мы поднялись над тогдашней Россией на летательном аппарате, то с трудом разглядели бы в безбрежном зеленом океане леса кучки серых деревянных крыш и церковных куполов – города и большие села России. На опушках дремучих лесов от наших глаз прятались бы деревни, возле которых виднелись узкие полосы полей. Посмотрев на них, мы поняли бы, с каким огромным трудом крестьянину удавалось отвоевывать у леса клочок земли под свое поле. На нем за короткое русское лето должны были вызреть рожь, овес, гречиха и лен – основные традиционные сельскохозяйственные культуры России.

Пролетая над Москвой, которая уже тогда была большим, шумным городом, издали сверкавшим десятками золотых куполов церквей, мы увидели бы, как во все стороны от столицы тянутся дороги, которые вскоре превращаются в бездорожье, исчезают среди густых лесов и топких болот. Великие грязи весны и осени делали всякую поездку по русским дорогам в кибитке или верхом мучительной и опасной: колеса и копыта лошадей вязли в непролазном месиве, хворост и бревна тонули в бездонных топях болот, гнус и комары не давали ни минуты покоя. К тому же путник мог стать добычей диких зверей, кишевших в лесах. Всегда под рукой нужно было иметь оружие – многочисленные разбойничьи шайки были настоящим бедствием для путешественников.

Лишь зимой, когда замерзали болота и реки, езда становилась более легкой и быстрой, но... Морозы, метели, свирепые волчьи стаи... Не каждый путник благополучно добирался до ближайшей деревеньки или ямской станции, отделенных друг от друга десятками верст ослепительного снежного пространства. Расстояния и дорожные трудности были так велики, что гонец с царским указом из Москвы достигал Охотска на Дальнем Востоке за 7–8 месяцев пути!

Титул русского царя конца XVII века включал в себя название всех владений, которые признавали его своим повелителем. В начале царского титула были перечислены крупнейшие владения, составлявшие основу Российского государства: собственно Россия (или позже – Великороссия), Малая Россия (Малороссия), или Украина, Белая Россия, или Белоруссия. Затем были упомянуты татарские ханства (царства), включенные в состав России в XVI веке с помощью меча, – Казанское, Астраханское и Сибирское. Потом перечислялись другие вотчины русского царя (великого князя). Их было так много, что в деловых бумагах после перечня важнейших владений писалось для простоты: «...и прочая, и прочая, и прочая».

Император Петр I.

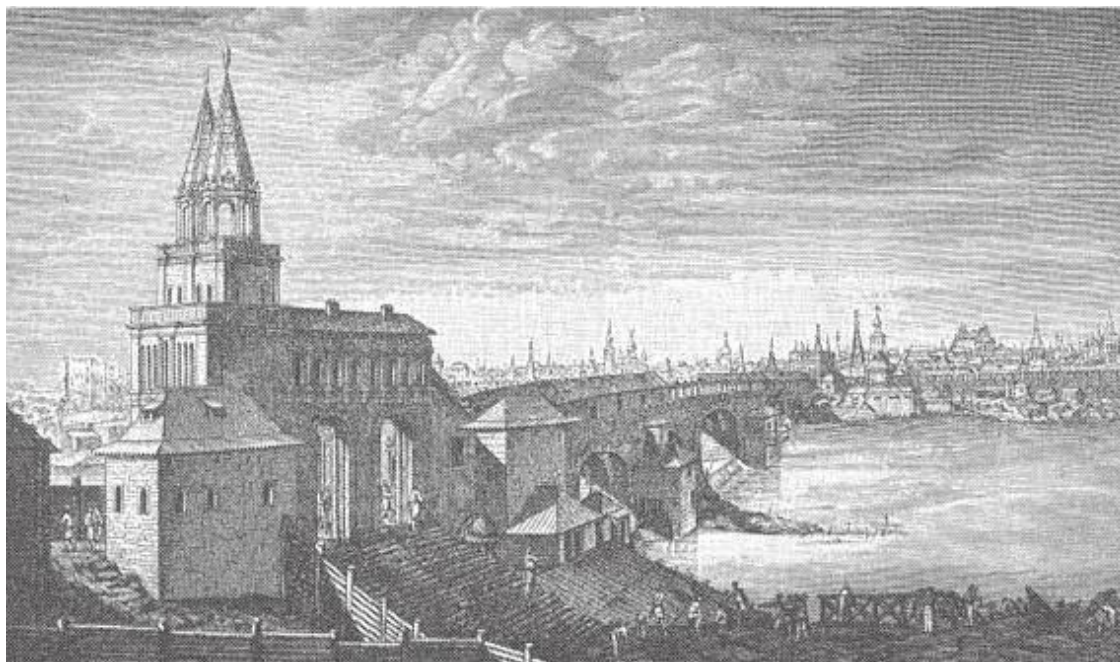
Население, разбросанное по огромному пространству России, составляло в конце XVII века всего лишь 5,6 млн человек – то есть во всей России народу было меньше, чем в нынешней Москве! В соседней, сравнительно небольшой Польше жило 8 млн человек, а уж о Франции, где было 19 млн человек, не приходится и говорить – густонаселенная по тем временам страна! Население по России распределялось крайне неравномерно – большая часть жила в так называемом Замосковье – освоенном Нечерноземном Центре и на Северо-Западе – почти 3 млн человек. Не более полумиллиона поморов и коренных народов обитали на Севере, а сибиряков-русских было и того меньше, даже если считать вместе со всеми покоренными народами Сибири.

Во всех основных районах страны подавляющее большинство (свыше 90%) жителей составляли русские. В Среднем Поволжье – районе, пожалуй, самом интернациональном – русских было почти две трети от всего населения. По данным на 1719 год, из 1,5 млн человек русские составляли без малого 1 млн. Татар же было 211 тыс., чувашей – 218 тыс., мордвы – 77 тыс., марийцев – 48 тыс., итого не более 560 тыс. человек. В Сибири из 482 тыс. жите-

лей разных национальностей русских было 323 тыс., причем шел быстрый процесс увеличения русского населения, которое переселялось из Центра на свободные земли окраин государства.

Россия была страной по преимуществу сельской, аграрной. В городах жило всего 134 тыс. человек, что составляло 0,02% от общего числа подданных царя (сейчас в России – не самой развитой стране мира – горожан больше половины всего населения, в других же, более развитых странах, численность их составляет 90 и даже 97%). Такой город, как Симбирск, в котором было 2 тыс. горожан, считался очень большим, что немудрено: в 1678 году из 173 городов России в 136 жило менее одной тысячи жителей.

В 1678 году в стране было 70 тыс. дворян, 140 тыс. церковников. Аппарат управления состоял из 9 тыс. приказных-чиновников, вся армия (вместе с дворянами, поголовно обязанными воевать) была не более 200 тыс. человек. С учетом 134 тыс. горожан-посадских некрестьянское население России не достигало и полумиллиона из 5,6 млн ее жителей. Следовательно, большая часть подданных русского царя была крестьянами. Примечательной чертой было то, что 3,4 млн человек (или 62% из них) были крепостными, то есть людьми, которые не имели никаких прав и с рождения до смерти оставались, в сущности, рабами. Это самым существенным образом влияло на все общественные процессы, происходившие в России, и – косвенным образом – влияет и теперь.

Каменный мост в Москве в начале XVIII столетия.

На всем своем огромном пространстве Россия была скреплена тонкой, рвущейся в непогоду сеть сухопутных и речных путей. Город от города отстоял на сотни верст. Тем не менее это была единая страна, которая жила как целостный государственный организм. Ее объединяло, во-первых, то, что большинство ее жителей были русскими и говорили на одном языке, во-вторых, то, что они поклонялись единому православному Богу. Другими связями, скреплявшими Россию как государство, были самодержавие и система чиновной службы, характерная для XVI—XVII веков.

Люди и власть в допетровской России

По своему политическому устройству Россия конца XVII века была самодержавной монархией. Неограниченная власть царя установилась в России давно и имела равную силу как в центре Москвы, так и на далекой окраине, где вдоль предполагаемой границы разъезжала редкая пограничная стража. Каждый воевода – старший чиновник в уездах, на которые делилась страна, был представителем и одновременно исполнителем воли самодержца. Вот поэтому воевода Хрущев, живший во второй половине XVII века, говорил ссыльным: «Я не Москва для вас?» Эта власть подкреплялась военной силой и традицией почитания царя как представителя Бога на земле. С давних пор русский царь был «государем», то есть «господином», повелителем всех без исключения своих подданных. Все русское общество было разделено на социальные группы, категории, представлявшие собой четкую иерархию, «расширяющуюся к низу». Рассмотрим ее.

Царь

I. Служилые люди «по отечеству»

А. Чины столичные (Государев двор).

1. «Думные чины» (Боярская дума).

Бояре, окольничие, кравчие, казначеи, постельничий, думные дворяне, думные дьяки, стряпчий с ключом, ясельничий и др.

2. Стольники (в том числе – «ближние стольники»).

3. Дворяне московские.

4. Стряпчие.

Б. Чины провинциальные (служилые дворянские «города»).

Дворяне, стряпчие и др.

II. Служилые люди «по прибору»

Рейтары, копейщики, пушкари, воротники, городовые казаки и др.

III. Тяглые люди

Крестьяне всех категорий и видов владельцев, посадские люди.

Итак, наверху социальной лестницы чинов, на недостижимой для всех других высоте стоял царь-самодержец. Ниже располагались служилые люди двух категорий: служилые «по отечеству», то есть по происхождению, и служилые «по прибору», то есть по набору, приему, найму. Из первой категории формировалась служилая и, следовательно, политическая элита, входившая в так называемый «Государев двор» – объединение служилых людей, выполнявших придворные, а также важные государственные и военные поручения царя.

Служилые «по отечеству», в свою очередь, были разделены на «чины». К высшим чинам относились бояре, окольничие, кравчие и другие «думные», которые входили в Боярскую думу – совещательный орган власти при царе. «Государь указал, а бояре приговорили», то есть одобрили, – так начинались многие указы русского царя, которые потом рассылались из столицы по всей стране. Из думных чинов назначались военачальники в полки, воеводы в крупные города, посланники в иностранные государства. Думные же чины становились судьями – начальниками приказов, то есть центральных органов управления государством.

Основу Государева двора составляли столичные стольники, дворяне московские и стряпчие. Все эти служилые люди выполняли основную военную и административную службу в государстве. Из их числа выходили и думные чины. Достичь этого было почти невозможно для

низших, провинциальных служилых людей, которые в каждом уезде составляли свою служилую корпорацию, называемую «служилый город».

Но все же провинциальным служилым «по отечеству» жилось лучше, чем «служилым по прибору». Это была самая низшая служилая категория. В приборные набирали, как правило, из горожан-посадских, крестьян, разночинцев. Они составляли гарнизоны крепостей (например пушкари, затинщики), несли караульную службу по охране укреплений (воротники), выполняли административные поручения воевод (рассыльщики, городские казаки).

Все служилые люди, и «по отечеству» и «по прибору», имели большие привилегии в сравнении с самым низшим слоем населения – тяглыми людьми, то есть теми, кто тянул государственное тягло – платил налоги, исполнял различные натуральные, отработочные повинности. Это были, в основном, крестьяне. Служилые же люди были полностью избавлены от тягла. За их службу государь жаловал их деньгами и поместьями. Важно, что понятие «зарплата» («заработанная плата») появилось относительно недавно, а в древние времена было только «жалование», то есть то, что пожалует государь, если, конечно, он этого захочет. В челобитных о выдаче жалования так и писали: «За службу мою пожалуй, государь, мне *твоего*, государь, жалования». Особенно важно для служилого было поместное жалование. На время своей службы государю служилый человек получал населенную крепостными крестьянами землю – поместье. Владелец поместья – помещик – брал с крестьян оброки, заставлял их работать на барщине, получал с них доходы и тем самым обеспечивал свою жизнь и свою боеспособность (вооружение, снаряжение) – то есть то, что требовал от него государь.

Кризис русского общества

Последние 20 лет XVII века оказались сравнительно спокойными для России. Основные города и уезды страны избежали обычных для тех времен опустошительных пожаров, страшных неурожаев и эпидемий. Увеличилось население в городах и селах, оживленнее стала торговля, богатели купеческие семейства Москвы и других городов, открывались новые ярмарки, поселенцы осваивали земли в Сибири и на Юге, умеренны и терпимы были налоги и повинности государства.

И тем не менее незаметно для себя страна вошла в полосу кризиса, который часто предшествует реформам или революциям. В чем же выразился этот кризис? К концу XVII века отставание России в скорости, темпах экономического развития стало особенно заметным. Слабые попытки московских властей основать под Тулой металлургическое производство не дали необходимого результата – железо, как и раньше, приходилось привозить из Швеции и других стран. Россия практически не обладала самостоятельной внешней торговлей и была полностью лишена своего торгового флота. Она не имела выхода к Балтийскому и Черному морям. Однако и на Белом, и на Каспийском морях, где никто России не мешал, русское кораблестроение и торговое судоходство находились в зачаточном состоянии.

Первые сигналы о кризисе стали поступать с полей сражений. Русско-турецкая война 1677—1681 годов не принесла славы русскому оружию, как и два Крымских похода 1687 и 1689 годов, а также и I Азовский поход 1695 года. Ни польские, ни турецкие, ни татарские крымские войска – основные военные противники России – не отличались тогда современным вооружением и передовыми методами ведения боя. Тем не менее русская армия или проигрывала им сражения, или – в лучшем случае – вела бои с переменным успехом. Все это болезненно отражалось на международном престиже России, которую в «высшем обществе» европейских держав ни во что не ставили.

Положение страны в международном сообществе и надежность армии, как известно, очень хорошо отражают внутреннее положение государства. Материальной основой русской армии была упомянутая выше поместная система. В течение всего XVII века шел медленный

процесс разрушения статуса поместья. С годами оно утратило черты временного, то есть данного на срок службы земельного держания служилого человека. Многие служилые сумели фактически закрепить за собой поместье, уравнив его с вотчиной – наследственным имением, полученным от отцов и дедов. Поэтому у служилых, в том числе дворян, составлявших поместную конницу, не было желания воевать, совершенствовать свое воинское мастерство.

Значительно хуже стали воевать и стрелецкие полки – выборная пехота, долгое время бывшая лучшей частью русской армии. Стрельцы, охранявшие Кремль, жили в Москве в стрелецких слободах и занимались, в ущерб военному делу, торговлей и промыслами. С такой армией побеждать врагов, конечно, было трудно.

Итак, военный кризис к концу XVII века был всем виден. Он имел в своей основе кризис служилый, социальный. Вся система службы, служилых чинов, которые и составляли армию, нуждалась в реформе. Стране требовалась другая армия – регулярная. Такие армии были у государей развитых европейских стран.

Заглянем в источник

В письме к Петру I крестьянин и прожектер Иван Посошков так описывал состояние русской армии:

«...Людей на службу нагонят множество, а если помотришь на них внимательным оком, то, ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем – копьями и бердышами, и то тупыми... А если на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: вначале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны (бедны, в нужде. – Е. А.) и безодежны, и ружьем владеть никаким не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищаля не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько... Попечение о том не имеет, чтоб неприятеля убить, а о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молится Богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть, а на службе того и смотреть, чтоб где во время бою за кустом притулиться... А то я у многих дворян слышал: “Дай, де, Бог великому государю служить и сабли из ножен не вынимать”».

Не будем во всем верить нашему информанту, хотя признаем, что он остро и верно изобразил основные «болячки» тогдашней армии. Вообще же, Иван Посошков – личность скандальная. Графоман и авантюрист, он был далек от военного дела и суждения его непрофессиональны и поверхностны. Кроме того, он явно рассчитывал понравиться своим сатирическим изображением состояния русской армии царю Петру, который сам был сходного мнения о достоинствах своего войска...

Однако разрушить старую армию и создать новую было нелегко. Для этого нужны были смелость, твердость, готовность пойти на большие расходы и риск.

Кризис экономики, армии, всей системы службы развивался одновременно с общим кризисом сознания русского общества второй половины XVII века. Многие люди, привыкшие жить «по старине», были смущены ожесточенной борьбой, которая развернулась между сторонниками патриарха Никона и протопопа Аввакума, между Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Страшное слово «раскол» разделило православных на два непримиримых лагеря: никониан и старообрядцев, староверов (или, по терминологии властей, раскольников). Но раскол в церкви отражал общий разброд в сознании русских людей тех времен. Традиционное средневековое сознание дало глубокую трещину. У людей второй половины XVII века стало меняться отношение к окружающему миру и многие жизненные цели. В литературных

произведениях на смену традиционному герою – тихому праведнику, думающему о Боге, – приходит деятельный, жизнелюбивый человек, яркая личность с новыми, вполне материальными целями в жизни. Для многих думающих русских людей было очевидно, что России нужно приобщаться к плодам европейской культуры. В Москву стали приезжать образованные церковные деятели из Киева – центра тогдашней православной богословской и литературной учености. Они несли с собой новые знания, эстетические и философские представления, менявшие старинные традиции русской церковной и культурной изоляции. Все эти и другие новинки встречали ожесточенное сопротивление консерваторов. Русское общество бурлило в спорах и разногласиях. Это был несомненный идейный кризис. Еще сильнее он обострился в начале 1680-х годов. Тогда русское государство потрясли драматические события 1682 года. В тот год Россию постиг кризис династический и одновременно – политический.

Переворот 1682 года. Установление триумvirата

Двадцать седьмого апреля 1682 года умер царь Федор Алексеевич. Ему было всего 20 лет. Слабый и болезненный, он вступил на престол в 1676 году после своего отца – царя Алексея Михайловича – и правил всего 6 лет. И хотя Федор был женат дважды, детей у него не было. Боярская дума, собравшаяся в Кремле после смерти царя, должна была решать, кому стать русским самодержцем. Кандидатов было двое: 16-летний царевич Иван и 10-летний царевич Петр. Оба они были детьми царя Алексея, но от разных матерей.

Итак, от первой жены – царицы Марии Ильиничны из рода Милославских, умершей в 1669 году, у царя Алексея было 13 детей. К 1682 году в живых из них осталось шесть царевен (Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария, Феодосия) и один царевич – Иван. От второго брака с царицей Натальей Кирилловной из рода Нарышкиных в живых осталось двое – царевна Наталия и царевич Петр. Так как, согласно традиции, женщины в династическом счете не учитывались, реальными претендентами на престол стали братья-царевичи Иван и Петр. После некоторых раздумий патриарх, бояре и другие чины «Государева двора» 27 апреля провозгласили царем младшего – Петра Алексеевича. Действовали они так не случайно: любому было видно, что старший царевич Иван не мог стать полноценным царем.

ДИНАСТИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Династическая ветвь 1.

Алексей Михайлович (1629—1676, царь с 1645)

1-я жена Мария Ильинична Милославская (1626—1669)

2-я жена Наталья Кирилловна Нарышкина (1651—1694)

Дети от царицы Марии:

Дмитрий (1648—1649)

Евдокия (1650—1712)

Марфа (1652—1707)

Алексей (1654—1670)

Анна (1655—1659)

Софья (1657—1704, правительница в 1682—1689)

Екатерина (1658—1718)

Мария (1660—1723)

Федор (1661—1682, царь с 1676)

Феодосия (1662—1713)

Симеон (1665—1669)

Иван (1666—1696, царь с 1682)

Евдокия (1669)

Дети от царицы Натальи:

Петр (1672—1724, царь с 1682)

Наталья (1673—1716)

Феодора (1674—1678)

Слабоумный и хилый юноша, он явно уступал в развитии своему живому и умному младшему брату Петру.

Но за каждым из царевичей стояла его семья, сторонники, составлявшие придворную и политическую группировку. Особенно силен был клан Милославских. Братья, племянники, родственники покойной царицы Марии Ильиничны в царствование Федора Алексеевича фактически заправляли всеми делами. Намеревались они продолжать это и при новом царе Иване Алексеевиче. Выбор в цари 10-летнего Петра – выходца из другого клана – смешал все их карты. Тогда Милославские решили действовать силой. Они составили заговор, который возглавили боярин Иван Ильич Милославский и его племянница царевна Софья Алексеевна.

С помощью денег, обещаний, устрашающих слухов о коварных происках Нарышкиных, якобы хотевших умертвить царевича Ивана, партии Милославских удалось поднять стрельцов на восстание, которое началось в полдень 15 мая 1682 года. Это был самый страшный день в жизни десятилетнего Петра. Тогда он вместе с матерью и братом Иваном стоял на Красном крыльце Большого Кремлевского дворца. Внизу пьяно и кровожадно ревела толпа, по дворцу, громящая оружием, бегали стрельцы. Они, по указке людей Софьи, вытаскивали на крыльцо родственников и приближенных царицы Натальи и бросали их вниз на подставленные копы и бердыши. Среди убитых оказался главный советник Нарышкиных боярин Артамон Матвеев, которого более всего боялись Милославские, а также родные братья царицы Натальи. Их окровавленные и изрубленные тела стрельцы с гиканьем и прибаутками поволокли по грязи на Красную площадь, где выставили на всеобщее обозрение. Никогда в памяти будущего реформатора России не изгладились дикие сцены этого солнечного майского дня, и стрельцы навсегда стали для Петра смертельными врагами. Он называл их «кровожаждущей саранчой».

Царевна Софья Алексеевна.

Действующие лица

Царевна Софья Алексеевна

С ранней юности царевна Софья казалась необычайной девушкой. Ее учитель Симеон Полоцкий назвал ее «зело премудрой девицей, наделенной тончайшей проницательностью и совершенно мужским умом». По тем (да и более поздним) временам последнее было высшей похвалой для женщины. Софья изучала богословие, историю, знала латынь и польский язык, по принятой тогда традиции сочиняла стихи. При царе Федоре она стала появляться на людях, участвовала в делах, хотя этого себе не могли позволить и замужние женщины – царицы. После смерти брата-царя Софья уже не хотела, чтобы ее отодвинули от политики и светской жизни, которую она так любила. Она не желала, чтобы ее заперли в монастыре, –

такой была обычная судьба царевен. С мая 1682 года она стала регентшей и правила страной не без некоторого успеха. Однако неудачи во внешней политике, нерешительность в борьбе с Петром привели ее к краху в 1689 году. Заточенная Петром в монастырь под именем Сусанны, она умерла в 47 лет.

После Стрелецкого бунта в России установилось троевластие: кроме Петра царем был объявлен Иван Алексеевич, а правительницей-регентшей государства стала царевна Софья. И хотя Петр по-прежнему оставался самодержцем, власть на самом деле полностью перешла от Нарышкиных к Милославским. Точнее говоря, она перешла к Софье и ее главным советникам – князю Василию Васильевичу Голицыну и начальнику Стрелецкого приказа Федору Леонтьевичу Шакловитому, которого многие считали любовником царевны Софьи.

Ниже я даю два отрывка из двух описаний Стрелецкого бунта 1682 года. Автор одного из них вышел из лагеря Нарышкиных, противников стрельцов, а другой – из лагеря Софьи, Милославских, сторонников стрельцов.

Заглянем в источник

Вот цитата из документа, автор которого принадлежит к лагерю Милославских:

«Мая в 15 день в осмом часу дни в набат ударили, и прииде вестник из государевых царских полат ко стрелцам: «Вы, стрелцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утихла у нас звезда поднебесная, не стало болюаго брата государева царевича Ивана Алексеевича». И тогда стрелцы со знаменами и со оружием пришли в Кремль к полатам государевым, и шли в полаты безобшибочно, и учали вопить и кричать со слезами великими умильными гласы жалостно: «Свет ты наш, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... объяви ты нам своего государева брата царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, жив ли есть или мертв!». И тогда царь и царевич, и царевны все вышли на Златое крыльце, царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: «Меня хотели задавить до смерти Кирилла Нарышкина дети (т. е. братья царицы Натальи Кирилловны. – Е. А.)». И стрелцы учали (стали. – Е. А.) просить у царя и у царевича, и у царевен бояр (выдать им. – Е. А.) изменников. Царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: «Вы, стрелцы государевы, и мое правое крыло и царево, и аз вас жалую, стойте вы верою и правдою, а изменников вам всех выдам, кто вам надобен и кого вы знаете сами». Тогда стрельцы в первые взяли к казни боярина Артемона Матвеева и за ним взяли, вместо Кирилова сына Ивана неведением Салтыкова сына Петра Федоровича, и Кирилова сына после его взяли Афонасья... И пришли на двор стрелцы к боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, и взяли его ис полаты, и выволокли из двора и тут его присекли в мелкие части».

Итак, согласно этому документу, Нарышкины якобы хотели «задавить до смерти» царевича Ивана, и только героическое вмешательство стрельцов этому воспрепятствовало. С личного разрешения царевича Ивана они и расправились с изменниками, причем убили невинного человека, а заодно и своего начальника – судью Стрелецкого приказа князя Ю. А. Долгорукова.

Отрывок из другого документа, автор которого относится к кругу Нарышкиных, трактует все события иначе – как голое, не спровоцированное ничем насилие:

«Того ж году, мая в 15 день, на Московском государстве было смятение. Стрельцы... и салдаты... пришли в город в Кремль во 11 часу дни з знаменны, и з барабаны, с мушкеты, и с копы, и з бердыши,

а сами, бегучи в город, кричали, будто Иван да Офонасей Кириловичи Нарышкины (братья царицы Натальи Кирилловны. – Е. А.) удушили царевича Иоанна Алексеевича... И прибежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная, и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим с Верху, из государевых хором, от самого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... бояр и окольных, и думных, и стольников, и метали с Верху с Краснова крыльца на землю, а на земле рубили бердыши и кололи копы... И порубали своим насильством бояр: боярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и, подхватя на копы, изрубили бердыши... Стольника Офонася Кириловича Нарышкина свели с Верху... и, выветчи на площадь перед приказы, искололи копы и изрубили бердыши... Боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова на дворе ево вывели ис полат на верхнее крыльцо и много было шуму; и отпустили ево опять в полаты. И почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли далой. И проломилсь в винной погреб, почели пить вино. И, немного поноровя, боярина князь Юрья Алексеевича, прибежав иные с улицы стрельцы и салдаты, в другой ряд вывели ис палат на крыльцо и бросили в окно с верхнева крыльца на землю, тут ево изрубили бердыши и выволокли мертвого на улицу перед ево ворота. И лежал ночь у ворот, а на другой день придет, иссекли его в дробныя части, поругались нехристиански».

Сопоставление их показывает, что каждая сторона трактует события в свою пользу. Историку нужно быть настороже, чтобы не попасть в плен только одной точки зрения.

Как мы видим, история мятежа дается иначе: нет ни речей царевича Ивана (их и в самом деле не было), да и убийство Долгорукова показано с менее привлекательными для стрельцов подробностями.

Преображенские годы Петра

Поначалу внешне ничего в жизни юного Петра не изменилось. Царица Наталья с Петром жили в Кремле, участвовали во всех церемониях, но потом они стали все дольше и дольше задерживаться в подмосковных летних резиденциях – селах Воробьево, Коломенском, Преображенском. Наконец, семья опального царя окончательно поселилась в летнем царском дворце возле села Преображенского на северо-востоке от Москвы. Начался знаменитый в русской истории преображенский период жизни Петра Великого.

Петр редко появлялся в Кремле: только на дипломатических приемах и церковных церемониях. Остальное время он проводил в Преображенском, среди лесов и полей. Это непосредственным образом сказалось на личности будущего реформатора России. После бунта стрельцов он был исторгнут из замкнутого, церемонного мира Кремля, «Верха» – так называли стоявший на кремлевском холме царский дворец. Но Кремль – это не только церемонии, ограничения, но воспитание царевича в «староотеческом духе», его знакомство с духовным и государственным наследием Древней Руси. Петр, оказавшись в Преображенском, не получил, подобно своему отцу или брату Федору, традиционного православного образования московских царевичей, позволявшего им на равных с церковными мыслителями разбираться в сложных вопросах веры, церковной литературы и культуры. Петр, приобретя от своих не особенно строгих учителей (воспитатель Петра думный дьяк Никита Зотов более прославился не ученостью, а беспробудным пьянством) отрывочные знания, так и остался малограмотным человеком, не постигшим до конца своей жизни элементарных правил грамматики и орфографии. Даже в зрелые годы он писал многие слова по фонетическому принципу – как слышал, так и

писал («был послушлиф», «в выборе афицероф»), да к тому же по-московски «акал». Конечно, дело не в богословской подготовке царя и даже не в его грамотности (хотя и это весьма важно), а в том, что Петр не усвоил той совокупной системы ценностей, которая была присуща русской традиционной культуре, основанной на православии, «книжной премудрости», уважении к заветам предков, строгой изоляции от «поганого» мира католического и протестантского Запада и мусульманского Востока.

Заглянем в источник

Уже современники обращали внимание на живость, энергию и ум малолетнего Петра, так не похожее на своего брата Ивана. Летом 1683 года цари принимали посольство шведского короля Карла XI. Секретарь посольства Кемпфер писал:

«На двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявших драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту, и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?»»

Послы не видели, что за спиной Ивана в спинке трона было прорезано тщательно завешенное тканью окошко. через него бояре советовали Ивану, как ответить послу. Петру же советы были не нужны – он с лету все схватывал и бойко отвечал на приветствия послов.

Не традиционное образование, а его отсутствие, неограниченная свобода сильно повлияли на становление личности молодого Петра. Военные игры – главное увлечение его детства – постепенно становились все сложнее, деревянные ружья и пушечки заменялись настоящими, на смену деревянным солдатикам приходили живые люди – ровесники царя из его окружения: стольники, спальники, конюхи. Они были первыми участниками его бесконечных военных игр. Подрастая вместе с царем, они превращались в солдат и офицеров вначале «потешного», то есть забавного, игрушечного, а потом уже и настоящего войска, соединенного в конце 1680-х годов в два гвардейских полка – Преображенский и Семеновский (по имени соседнего с Преображенским села). «Воинские потехи» на полях под Преображенским и Семеновским требовали от царя военных знаний и навыков. И Петр I с жадностью учился приемам боя, началам тактики (чтобы правильно управлять войсками), артиллерийского дела и баллистики (чтобы точно стрелять), математики и фортификации (чтобы правильно оборонять или осаждать крепости), астрономии и картографии (чтобы определяться на местности, водить в море корабли) и т. д. Кроме того, Петр пристрастился к ремеслам – плотничьему, токарному, столярному, кузнечному, типографскому и многим другим. В этом сказалась любовь царя к конкретному, вещественному, осязаемому результату труда, рационализм его ума.

Важно, что Петр I рос в ненависти к тем людям, которые совершили на глазах его, десятилетнего мальчика, переворот и убили его родственников в мае 1682 года. От матери, родных он впитал жгучую ненависть к стрельцам, Софье, которые лишили семью Нарышкиных влияния, привилегий, а его самого – реальной власти. Но в этой ненависти он пошел дальше. С

годами он перенес ее с конкретных людей на весь мир старой Руси с ее традициями, обычаями, предрассудками. Молодой Петр боялся своего будущего. Оно, в принципе, ничего хорошего не сулило ему – неопытному «полуопальному» царю без армии, финансов, поддержки большинства бояр и дворян, а также церкви. Он фактически был в руках своих врагов. Поэтому ненависть, страх за свою жизнь и политическое будущее во многом повлияли на поведение Петра I, сказывались на его мыслях о Москве, Кремле, традиционной России, ее деятелях. Можно сказать, что именно ненависть Петра к России Софьи, Милославских, стрельцов, старой Москвы с ее тупичками, проулками и закоулками, где его мог поджидать наемный убийца, стала неосознанным (а порой и вполне осознанным) стимулом, причиной реформ, которые потрясли Россию.

Кокуй и его обитатели – новые приятели Петра I

К концу 1680-х годов военные игры Петра I стали уже похожи на настоящие маневры маленькой армии. В окрестностях Преображенского он приказал построить «потешную» крепость Пресбург. Вокруг этой крепости и проводились маневры «потешных», которые набирались опыта, как бы зная, что он неминуемо пригодится. Первым солдатом среди них, к тому же – бравым барабанщиком, был Петр Михайлов. Такой псевдоним по имени деда – первого царя династии Романовых – выбрал для себя царь. Под этим псевдонимом он путешествовал за границей, служил в гвардии и на флоте.

Воинские потехи сблизили Петра I с профессиональными военными, и прежде всего с генералом-лейтенантом Патриком Гордоном, командовавшим русской пехотой. Он помогал царю с вооружением его потешных, часто виделся и разговаривал с ним. Это был мудрый, солидный, неторопливый старый воин-шотландец. Он приехал в Россию в 1661 году, прослыл опытным полководцем и хорошим инженером. Гордон неплохо знал Россию и, по-видимому, симпатизировал Петру, связывал с ним свое будущее, угадав в непоседливом юноше будущего полководца и государственного деятеля. В окружении царя кроме обычных иностранцев-врачей появились офицеры, которые обучали потешных военному делу. Познакомился Петр и с двумя голландцами – корабельных дел мастерами Карстеном Брантом и Францем Тиммерманом, которые рассказывали юноше о Голландии, учили началам корабельного дела.

Заглянем в источник

Особую страницу в ранней истории Петра Великого занимает «дедушка русского флота» – ботик. Это был небольшой английский бот, найденный царем в Измайлове, загородной резиденции его отца – царя Алексея Михайловича. Вот как много лет спустя сам Петр рассказывал об этом в предисловии к «Морскому регламенту» – главному военно-морскому закону России:

«Случилось нам быть в Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышеназванного Франца (Лефорта. – Е. А.), что то за судно? Он сказал, что то – бот английский. Я спросил: «Где его употребляют?». Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: «Какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)?» Он мне сказал, что он ходил на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неизменно. Потом я его паки спросил: «Есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал?» Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта... который оный

бот починил и сделал машит и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: «Для чего так?» Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды, то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился, а потом уже стал ее просить и явно, чтоб там двор и суды сделать».

Ботик этот чудом сохранился, в 1723 году был доставлен в Петербург. На нем контр-адмирал Петр Михайлов и другие адмиралы русского флота обошли в Кронштадте строй русской эскадры, и каждый корабль салютовал орудиями главного калибра в ответ на еле слышное тьяканье маленькой пушечки с носа ботика. Позже ботик бережно вывозили на военно-морские парады, но уже ставили на шканцы флагманского корабля. Сейчас эта бесценная реликвия благополучно хранится в Военно-морском музее в Петербурге. Любопытна в связи с этим система военно-морского «родства». Петр называл ботик «дедушкой русского флота». В письмах к близким современные ему корабли флота он называл своими «детками». Следовательно, сам он был истинным «отцом» русского флота...

Дружба со специалистами-иностранцами привела Петра I в Немецкую слободу, которую называли Кокуй. В ней жили служившие русским царям иноземные офицеры, инженеры, купцы, предприниматели, одним словом – разный люд, приехавший в Россию в поисках денег, славы и чинов. Поселение иностранцев было на отшибе Москвы, подальше от ее православных святынь и горожан, крестившихся и плевавших вослед шедшему по улице «богопротивному» иноземцу в парике и трубкой в зубах. Но так уж определила судьба, что Кокуй оказался в нескольких минутах езды верхом от Преображенского, и Петр I стал туда все чаще наезжать. Произошло это не сразу: где-то в конце 1680-х – начале 1690-х годов, когда пало правительство Софьи. Кокуй оказался для Петра местом необыкновенным и поучительным. В сущности, это был маленький провинциальный западный городок, выросший на русской земле. Высокая изгородь и купы деревьев скрывали от постороннего взгляда поселение, которое было разительно не похоже на традиционный русский город. Там были чистые улочки с уютными домами немецкой и голландской архитектуры, цветы и декоративные кусты и деревья, церкви с острыми шпилями, ветряные мельницы, таверны, где в клубах табачного дыма за кружкой доброго, сваренного по немецким рецептам пива сидели степенные бюргеры, купцы, офицеры. А еще в Кокуе, в домах богатых его обитателей, были заморские диковинки, редкие и красивые вещи, инструменты, книги, приборы. И вообще, здесь царили странные на взгляд русского человека обычаи, музыка, развлечения. Наконец, здесь свободно гуляли, смеялись и танцевали вместе с галантными мужчинами девушки и женщины, одетые в непривычные русскому глазу платья. Неведомый, заманчивый мир! И Петр со свойственной его натуре страстностью окупился в него.

Общение с иностранцами, с жизнью Немецкой слободы не прошло даром для царя – будущего реформатора, западника. Постепенно, как-то незаметно для себя Петр перешел ту непреодолимую для десятков поколений русских людей границу, которая с древних времен отделяла в сознании русских людей «святую Русь» от «богомерзкого» Запада, «папистов, лютор (то есть лютеран. – Е. А.) и еретиков». Петр плохо знал по-немецки и по-голландски, иностранцы смешно говорили по-русски, но в деле – у пушки, на бастионе крепостицы Пресбург, на палубе миниатюрного фрегата в Переславском озере, а потом и в застолье, на танцах в Кокуе – они быстро нашли общий язык, начали дружить. Национальность, вера, возраст, иные различия тут

уже мало значили – работа и гульба всех объединяли. Но нужно помнить, что отец и брат царя Петра всегда сторонились иностранцев и, согласно церемониалу подпустив к руке иноземного посланника, они тут же долго и тщательно мыли руки водой из серебряного кувшина – «как бы не опоганиться!».

Около 1690 года, когда Петру было 18 лет, он познакомился и близко сдружился с полковником Францем Лефортом. Выходец из Швейцарии, тот был обычным для тогдашней Европы ландскнехтом, то есть наемным воином, готовым предложить свою шпагу тому, кто больше заплатит. Неведомые ветры занесли его в 1675 году в Россию. Он обосновался в Немецкой слободе, купил там дом, женился. Тридцатисемилетний Лефорт очень понравился Петру. Он был красивый, воспитанный кавалер, изящно и ловко танцевал, умел говорить дамам сладкие комплименты. Но при этом он был смелым солдатом, многое повидавшим на своем веку. Его широкая, щедрая натура, несомненная талантливость в дружбе пленили молодого царя. Если с вечно серьезным Гордоном можно было обсуждать дела, то с Лефортом хорошо было весело шутить, легко и просто проводить время. А Петру так были нужны надежные, верные люди, потому что в его жизни наступил тяжелый период.

Переворот 1689 года. Конец триумvirата

Триумvirат Петра, Ивана и Софьи не мог существовать долго. Петр мужал, стал совершеннолетним. В начале 1689 года он даже женился, но, как и прежде, оставался не у дел. Софья, формально выполнявшая обязанности регентши до совершеннолетия братьев-царей, должна была отойти от власти, однако такой удел был не для волевой и честолюбивой царевны. Раздражение, взаимное недовольствие и подозрения обоих враждебных лагерей – преображенского и кремлевского – постепенно усиливались.

И хотя семилетнее регентство Софьи отличалось стабильностью и покоем, в борьбе с Петром и стоящими за его спиной Нарышкиными она проиграла. Верх и армия в принципе не одобряли правление женщины и ее фаворитов. Крымские походы подорвали репутацию правительницы и ее полководцев, в первую очередь боярина и главы Боярской думы князя В. В. Голицына. Одновременно Софья уже не могла рассчитывать на прежнюю поддержку стрельцов. Они были ослаблены в результате подавления в 1682 году правительством Софьи попытки переворота, которую вскоре после прихода Софьи к власти предпринял глава Стрелецкого приказа князь Иван Хованский. К тому же Петр стал проявлять интерес к ведению государственных дел и иногда присутствовал в Боярской думе, чем демонстрировал свою дееспособность.

Развязка родственно-государственного конфликта сестры и брата наступила летом 1689 года. Во время крестного хода 8 июля Петр на глазах всего двора и народа поссорился с Софьей и в гневе покинул Кремль. Это был настоящий скандал, после которого отношения сторон резко обострились. В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Петр был разбужен двумя стрельцами, которые прибыли в Преображенское и сообщили царю, что Софья и Шакловитый готовят вылазку против него. До сих пор мы не знаем, была ли это провокация или Софья действительно намеревалась расправиться с Нарышкиными, но события эти стали детонатором политического взрыва, изменившего весь политический пейзаж тогдашней России. Генерал Патрик Гордон писал об этом:

Петр прямо с постели, не успев надеть сапог, бросился в конюшню, велел оседлать себе лошадь, вскочил на нее и скрылся в ближайший лес. Сюда принесли ему платье, он наскоро оделся и поскакал в сопровождении немногих лиц в Троицкий монастырь, куда измученный приехал в 6 часов утра. Его сняли с коня и уложили в постель. Обливаясь горькими слезами, он рассказал настоятелю о случившемся и потребовал защиты... Внезапное исчезновение царя распространило ужас в столице, однако клеветы Софьи старались держать все дело в тайне или делали вид, будто оно не заслуживает внимания.

Заглянем в источник

Петр напомнил брату о вполне легитимном выборе их на трон в 1682 году и о том, что только «нам двум особам скипетр правления прародительскаго нашего Российскаго царствия», а «о третьей особе, чтоб с нами быть в равенственном правлении, отнюдь не воспоминалось. А как сестра наша царица Софья Алексеевна государством нашим учела владеть своею волею и в том владении что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, известно. А ныне злодеи наши Фетка Шакловитой с товарищи, не удоволяясь милостию нашею, преступя обещания свое, умышляли с ыними ворами о убивстве над нашим и матери нашей здравием, и в том по розыску и с пытки винулись».

И далее – самое главное:

«А топерь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу – сестре нашей царице Софье Алексеевне – с нашими двумя мужескими особами в титлах и в росправе дел быти не изволяем, на то б и твоя б государя моего брата воля склонилоса, потому что учела она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». И тут Петр фактически объявляет себя самодержцем, резервируя за собой единоличное право сменить правительство: «Тебе же, государю братицу, объявляю и прошу: поволь государь, мне отеческим своим изволением для лутшие ползы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказом правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере (т. е. утвердим. – Е. А.). А тебя, государя брата, яко отца почитать готов...».

В Троице-Сергиев монастырь, который находился в 70 верстах от Москвы, вскоре приехала семья Петра – мать царица Наталья Кирилловна, молодая жена царица Евдокия Федоровна, родственники, ближние бояре и слуги. Затем царь стал рассылать указы об обязательной явке служилых людей к нему на службу, что означало объявление военного похода. Внезапное бегство царя было не чем иным, как объявлением войны, а к такому развитию событий лагерь Софьи оказался не подготовлен. Поняв опасность своего положения, царица Софья обратилась к авторитетным боярам, чтобы они примирили ее с братом хотя бы формально. Все попытки правительницы и ее окружения уговорить Петра вернуться ни к чему не привели. Бояре, патриарх, иностранные офицеры, дворяне, стрелецкие полки один за другим приходили в Троицу и там оставались. Формально придрагаться к ним было нельзя – Петр был царем законным, и к тому времени он уже считался взрослым, то есть государство не нуждалось в регентстве. Более того, некоторые из посланных Софьей возвращались в Москву с указами Петра I и требовали от правительницы выдачи главного врага Нарышкиных и фаворита Софьи, начальника Стрелецкого приказа Федора Шакловитого, на что правительнице, скрепя сердце, в конце концов пришлось согласиться. Временщика увезли в Троицу, где тотчас начали пытать, добиваясь признаний в заговоре против Петра. Тогда Софья сама решила ехать в Троицу, но в памятном для нее подмосковном селе Воздвиженском (там она в 1682 году арестовала и повелела казнить мятежного князя И. Хованского) царицу остановили посланные Петром люди и зачитали царский указ, предписывавший ей вернуться в Москву. Следом за этим указом

Петр послал брату царю Ивану письмо. В нем в весьма категоричной форме было заявлено, что время троевластия закончилось, и Софья отстранена от власти. Пожалуй, в этом указе мы впервые слышим грозный рык юного льва.

Посланный в Кремль боярин князь Иван Троекуров от имени царя Петра настоятельно просил Софью покинуть царский дворец и переехать в Новодевичий монастырь, что она после некоторых колебаний и сделала. Ее время кончилось...

Эпоха взросления Петра. Поездка в Архангельск

Словом, в августе 1689 года неожиданно для себя Петр, которому недавно исполнилось 17 лет, одержал бескровную победу. При болезненном и слабоумном брате-соправителе Иване он отныне стал полноправным самодержцем. Но любопытно, что Петр не изменился в главном. Он не стал заниматься государственными делами, а перепоручил их правительству своего дяди боярина Льва Нарышкина. По-прежнему на первом месте для царя были воинские учения, стрельбы, плавание на «потешных» кораблях по Переславскому озеру. И так продолжалось несколько лет. Идеи реформ, которые потом потрясли Россию, пришли к нему не сразу. Они созревали постепенно, и, чтобы осознать их, Петру предстояло получить несколько уроков жизни.

Первым уроком можно назвать две поездки молодого царя в Архангельск – в 1693 и 1694 годах. Архангельск был фактически единственными морскими воротами России, через которые она осуществляла прямую связь с миром. Здесь был большой порт, куда за короткое северное лето приходили сотни иностранных кораблей. Они привозили западные товары и потом загружались лесом, пенькой, кожами, салом, мехами. Город был большой и оживленный, а Немецкая слобода Архангельска была даже больше, чем в Москве. Приехав в Город (так называли тогда Архангельск) в 1693 году, Петр в первый раз в жизни увидел настоящее море, настоящие корабли. И это было потрясением. Как писал историк М. М. Богословский, с той архангельской поры «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Заметки на полях

В жизни Петра Великого море и корабли заняли особое место. Как видно из записей снов (в том числе цветных), которые царь делал в зрелые годы, корабли, море не отпускали Петра, снились ему по ночам. Увлечение морем – не случайность, не просто присущий юноше романтизм. Было какое-то гармоническое соответствие внутреннего мира Петра и образа движущегося корабля. Недаром А. С. Пушкин нашел гениальный образ, символ петровской России – идущий под свежим ветром парусный корабль с великим капитаном-шкипером на мостике:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Почему петровская Россия – корабль? Могущий, красивый корабль XVIII века, идущий под парусами против ветра и огромных волн, был высшим произведением технической мысли того времени. Для Петра и многих других людей тех времен он был символом всего, что построено с точным расчетом и знанием для достижения успеха в борьбе человека со слепой и опасной стихией,

которую так хорошо выражает беспокойное, бескрайнее море. За этим стояла главная философская идея XVII – начала XVIII веков. Ее можно было прочитать в книгах философов – Локка, Лейбница, Гоббса и других. Суть этой идеи такова: знание, полученное с помощью опыта, исследований, – вот самое верное средство достижения человеческого счастья и благополучия. Людям нужно на основе открытых законов природы хорошо организовать свою жизнь, и все будет в порядке. Особую роль в достижении всеобщего счастья играло государство. Построить государство на началах разума, знаний, и сделать его средством для достижения всеобщего счастья – вот высшая цель каждого реформатора.

Гоббс, обосновывая право и возможность разумного человека совершенствовать организацию общества ради высших целей, писал: «Государство строят, как дом». Петр Великий мог бы сказать иначе: «Государство строят, как корабль». В самом деле, борьба за выход к морю, строительство флота, реформирование государства, преобразование России ради ее счастливого будущего – все это так естественно совпало, соединилось в деятельности Петра. Все это отлилось в яркий образ корабля – новой России, которую спустил на воду и повел среди бурных волн жизни великий корабель и шкипер. Вот поэтому море в Архангельске так сильно сказалось на судьбе Петра.

Как человек деятельный и живой, Петр не ограничился рассматриванием моря и кораблей с берега. На яхте «Святой Петр» он вышел в море, чтобы проводить уходившие из Архангельска иностранные торговые корабли. Во второй приезд в Архангельск летом 1694 года Петр отправился на яхте на Соловецкие острова и в открытом море попал в страшный шторм. Опасность была так велика, волны так круты, что царь и его спутники причастились как перед смертью. Только искусство лоцмана Антипа Тимофеева спасло русского царя, который впервые в русской истории – после времен варяга князя Игоря – пустился по морю. С тех пор в память об этом историческом событии на острове стоит большой деревянный крест с памятной надписью.

Когда же в Архангельск из Голландии пришел заказанный 44-пушечный фрегат «Святое пророчество», счастью Петра не было предела. Он тотчас испытал себя и новый корабль, выйдя на нем в Северный Ледовитый океан. Морская судьба Петра была решена – без моря он уже не мог жить! Этим была решена и судьба России, которой предстояло стать морской державой.

Легенды и слухи

Первый русский полет

Изображение мужика, летящего на самодельных крыльях, стало общим местом в истории советского воздухоплавания и авиации. Что было на самом деле, был ли такой полет, мало кто знает. Точно можем сказать, что полета не было, но дерзкое намерение такое действительно зародилось в сознании неведомого нам народного умельца из москвичей. В «Записках» стольника И. А. Желябужского идет речь о происшествии 30 апреля 1695 года: «Закричал мужик „Караул!“ и сказал за собою государево слово (так обычно привлекали к себе внимание доносчики и просители, в этом случае власти не могли замаять дело. – Е. А.). И приведен в Стрелецкий приказ, и роспрашиван. А в роспросе сказал, что он, сделав крылья, станет летать, как журавль. И по указу великих государей сделал себе крыле слюдные, а стали те крылья в 18 рублей из государевой казны. И боярин князь Иван Борисович Троекуров (судья Стрелецкого приказа. – Е. А.) с товарищи и с иными прочими вышел, стал смотреть. И тот мужик те крылья устроя, по своей обыклости

перекрестился и стал мехи надымать. И хотел лететь, да не поднялся, и сказал, что он крыле сделал тяжель. И боярин на него кручинился (т. е. укорял, сердился. – Е. А.), и тот мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крыле иршенья (кожаные. – Е. А.). И на тех не полетел, а другие крыле стали в 5 рублев. И за ему учинено наказание: бит батоги, снем рубашку, и те деньги велено доправить на нем и продать животы (имущество. – Е. А.) ево и остатки».

Азовские походы. 1695–1696

В 1694 год Петра постигла огромная утрата. В январе, не дожив до 43 лет, умерла его мать – царица Наталья Кирилловна. До самого конца она оказывала сильное влияние на Петра, с трудом удерживая сына от желания окончательно порвать с той церемонной и скучной для него жизнью, которой жили московские цари. Эта жизнь была для Петра I уже непереносима. Он тяжело переживал смерть матери. Она была для него самым близким и дорогим человеком. Тем не менее и после смерти царицы он не взялся за государственное управление. Самым крупным мероприятием 1694 года стали так называемые Кожуховские маневры под Москвой – многодневные учения большого количества войск со стрельбами, штурмами укреплений. Причем в маневрах участвовали как потешные, так и стрелецкие полки.

Но вскоре военные игры неожиданно закончились – надвинулась настоящая война. Собственно, она шла давно, с тех пор как правительство Софьи, выполняя союзнический долг перед участниками антитурецкой Священной лиги – Польшей, Венецией и Австрией, выступило против Турции и ее вассала, Крымского ханства. В 1687, а потом и в 1689 году состоялись два Крымских похода, которые возглавлял князь В. В. Голицын. Они оказались крайне неудачными. И хотя до 1695 года особенных военных действий не было, Россия по-прежнему находилась в состоянии войны с Крымом и с Османской империей. Союзники по Лиге настаивали, чтобы Россия воевала с татарами и турками. Ведь в обмен на участие в войне Россия получила в свои владения Киев (точнее выкупила город за 100 тыс. рублей). Теперь этот великий приз предстояло отработать на поле боя. Чтобы не уподобляться князю Голицыну, едва унесшему ноги из-под Перекопа, было решено напасть на Азов – турецкую крепость в устье Дона при впадении его в Азовское море.

Тогда, в 1695 году Петру I казалось, что опыта Кожуховских маневров и штурмов Пресбурга будет вполне достаточно, чтобы взять Азов – небольшую, устаревшую крепость. Но царь жестоко ошибся: ни у него, ни у его генералов не хватило умения и опыта, чтобы овладеть Азовом. Более того, смелые вылазки турок наносили чувствительный ущерб осаждавшим. Гарнизон крепости мужественно отбил штурм превосходящих сил царского войска. Двадцатого октября, к своему стыду и позору, осаду Азова русским пришлось снять, чтобы поспешно отступить домой – надвигалась трудная зима.

Под стенами Азова Петр I впервые проявил те качества, которые впоследствии сделали его великим государственным деятелем и полководцем. Оказалось, что неудачи не приводят его в уныние, а только подстегивают, придают ему сил. Петр имел мужество взять на себя ответственность за поражение, сумел трезво оценить собственные промахи, обдумать все обстоятельства, приведшие к обидному срыву, и сделать необходимые выводы. Так было и после Азовского похода 1695 года. Петр понял, что для взятия крепости нужны профессиональные военные инженеры, которых он срочно нанял в Австрии. Кроме того, он осознал, что без флота, который может отрезать Азов от моря и воспрепятствовать подвозу в крепость всего необходимого, воевать нельзя. Вернувшись из похода в ноябре 1695 года, Петр I принял историческое решение: он повелел строить флот.

Осада Азова.

Примечательно и символично для сухопутной России, что русский военно-морской флот начал строиться далеко от морских берегов – таким уж было положение отрезанной от морей России. Из Архангельска под Москву, в дворцовое село Преображенское, зимой 1695—1696 годов в разобранном виде была доставлена голландская галера (ее заказали в Амстердаме еще в 1694 году). После этого бригады плотников начали копировать все ее элементы и отсылать их в Воронеж, где галеры уже собирали и спускали на воду. Тем временем тысячи крестьян были согнаны в воронежские рощи. Они начали рубить лес, сплавливать его по рекам в Воронеж, где на спешно возведенных верфях голландские, английские и иные корабельные мастера начали строить корабли. Невероятно, но факт: к апрелю 1696 года в строю было 22 галеры, галеас «Святой Петр» и 4 брандера. Во главе флота, спустившегося к Азову, плыла галера «Принципиум», которой командовал сам Петр I. Весь этот флот в мае 1696 года предстал перед изумленными турками, которые поленились даже разобрать осадные сооружения русских у городских стен. Они полагали, что царь после горького урока предыдущего года надолго забудет дорогу к их крепости. Двадцать седьмого мая того же года, то есть меньше чем через два месяца, Азовское море впервые увидело русский флаг. Флот из галер в окружении мелких судов вышел в открытое море. И не так уж важно, что у русских не было умения управлять флотом, что корабли были построены наспех, из сырого леса, со многими недоделками. Важен был сам факт появления флота. Девятнадцатого июля 1696 года Азов, взятый в тесную осаду, сдался.

Азовская победа воодушевила Петра, и он распорядился восстановить разоренный дотла Азов и заселить его и близлежащую округу русскими переселенцами и опальными стрельцами. Не дожидаясь заключения мира и получив выход к морю, царь предписал основать (на базе Воронежской эскадры 1696 года и Воронежского адмиралтейства) Азовский военно-морской флот, состоявший уже из крупных морских кораблей. 20 октября 1696 года Боярская дума приняла историческое решение: «Морским судам быть». Стоимость кораблей была распреде-

лена в пропорции по числу налогоплательщиков в виде чрезвычайного налога, причем некоторым богатым боярам и монастырям – обладателям сотен дворов – приходилось финансировать строительство целых кораблей.

Во времена Азовских походов проявилась еще одна важная черта Петра I как будущего реформатора. Он не ограничился восстановлением разрушенного Азова, а решил основать на мысу Таганрог гавань и город Таганрог. По идее и первоначальному плану, который быстро начал осуществляться, на берегу Азовского моря принялись строить город, так не похожий на традиционные русские города. Азовский опыт строительства европейского города оказался важен для будущего возведения в 1703 году невольской столицы и крепости – Санкт-Петербурга, а сам Таганрог стал полигоном для методов и приемов строительства города в пустынном месте. Россия делом заявила свои претензии на выход к Черному морю.

Под Азовом Петр впервые почувствовал весь груз огромной ответственности за Россию, династию, армию, народ. И этот груз отныне лег на его плечи. Неслучайно то, что с Азовских походов царь начинает отсчет своей службы Отечеству. Именно идея служения России стала главным стержнем жизни Петра Великого. Представление о том, что он не просто сидит на престоле, а несет свою тяжелую службу во имя России и ради ее будущего, наполняло всю его жизнь высшим смыслом, особым значением. Затянувшиеся игры и потехи молодого царя заканчивались – он стал взрослым.

Великое посольство в Западную Европу

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Петру пришла мысль поехать за границу с Великим посольством. Эта поездка 1697—1698 годов, как и многие другие поступки царя, была необычайна. Такого Россия еще не знала. Ни один царь не покидал своего государства! Более того, он отправился за границу в свите Великого посольства инкогнито, под именем Петра Михайлова. Посольство можно было бы назвать великим дипломатическим обозом, караваном. Такие караваны русские цари с древних времен посылали в Западную Европу – ведь до XVIII века Россия не имела в столицах других стран постоянных дипломатических представительств. Поэтому время от времени из Москвы направлялось многолюдное посольство во главе с каким-нибудь знатным боярином. Объезжая одну за другой несколько стран, посольство наносило визиты королям и князьям, вело переговоры с министрами. Таковую миссию и было решено снарядить за границу весной 1697 года.

Во главе Великого посольства стояли три полномочных посла: генерал-адмирал Франц Лефорт, руководитель главного дипломатического ведомства – Посольского приказа, – боярин Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Предполагалось побывать в Австрии, Голландии, Дании, Англии, Бранденбурге (так до 1699 года называлась Пруссия), Венеции и у папы в Риме. Программа Великого посольства была обширна: переговоры, приемы, беседы. Добиться поддержки и помощи у европейских держав в войне с турками – как раз это было главной целью русского дипломатического каравана.

Петр Великий в русском платье в бытность свою в Голландии в свите великого посольства.

Петр под видом простого дворянина Петра Михайлова ехал в многочисленной свите послов. Она состояла из дворян, слуг, волонтеров, которые ехали учиться кораблестроению. Почему он так сделал, точно сказать невозможно. Может быть, Петр хотел избежать длительных и утомительных для него приемов и церемоний, которые он и дома терпел с трудом. Кроме того – и это, наверное, главное – он хотел получить свободу для занятий, не соответствовавших обязанностям коронованной особы, которая путешествует за границей.

Первого апреля 1697 года посольство прибыло в первый для Петра иностранный город – Ригу, бывшую столицей шведской Лифляндии. Шведы оказали посольству торжественный прием, но сделали вид, что не заметили среди дворян посольства русского царя. Генерал-губернатор Эрик Дальберг даже запретил высокому русскому дворянину со свитой рассматривать и замерять крепостные оборонительные сооружения Риги. Впоследствии это обстоятельство стало одним из формальных поводов для начала Северной войны. Зато высшие сановники и коронованные особы других государств, через которые ехал из Риги раздосадованный Петр –

Курляндии, Бранденбурга, такой ошибки не допустили и, публично приняв послов, отдельно, секретно и с большим почетом принимали Петра, удивляясь этому необычному человеку.

Заглянем в источник

Молодой Петр вызывал всеобщий интерес за границей, и многие видевшие его оставили воспоминания о необыкновенном русском царе. Вот одно из них:

«Повсюду он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступал его необыкновенной памяти. Многие поражались его ловкости в работе, которой он превосходил даже более опытных в деле людей».

Другие, видевшие Петра в тот первый его заграничный визит, замечали особую выразительность и красоту его лица, высокий рост, непринужденность и оптимизм, глубокий природный ум, любовь к труду и... чудовищную неотесанность, отсутствие приличных манер за столом, в обращении с людьми из своей свиты и с посторонними.

Петр по дороге в Голландию почти нигде не останавливался. Его влекло не столько любопытство, сколько желание учиться, и прежде всего – корабельному делу. В августе, опередив Великое посольство, он прибыл в Голландию и поселился в маленьком городке Заандам (порусски – Саардам). Здесь он сразу же устроился на верфь плотником. Кроме того, он осматривал голландские заводы, верфи, мастерские, разговаривал с известными людьми, учеными, изобретателями. Голландия недаром влекла Петра I. Столько он слышал об этой великой, хотя и небольшой по размерам, стране! Несметные сокровища ее купцов, сотни кораблей, которые бороздили океаны всего мира, банки, верфи, заводы, благоустроенные города, отличные порты, мастерские, музеи с картинами Рембрандта, Вермеера, Хальса – все это богатство было плодом упорного труда, мастерства и гения голландцев. Они сами, своими руками построили свою страну, отвоевав у моря землю и защитив ее высокими плотинами, за которыми – ниже поверхности моря! – цвела прекрасная Голландия с ее живописными фермами, знаменитыми мельницами, тюльпанами, уютными городами, где аккуратные хозяйки мыли мылом тротуар перед домом. Не раз и не два этот маленький народ мужественно защищал независимость родины от натиска неприятеля, мечтавшего поживиться за счет труда голландцев.

В Саардаме Петр прожил недолго. Толпы любопытствующих зевак съезжались отовсюду, чтобы посмотреть на невероятную диковинку – русского царя, который машет топором на верфи и запросто ходит по улицам городка или плавает на своей шлюпке. Так жить и работать было невозможно. Вскоре Петр I перебрался в Амстердам и, вместе с Александром Меншиковым, Александром Кикиным и другими волонтерами, стал работать на верфи Ост-Индской компании над сооружением корабля «Петр и Павел». Его ничем не отличали от других мастеров, называя попросту «плотник Питер». Как-то раз двое английских вельмож пришли посмотреть на царя и спросили у мастера, кто же в этой рабочей толпе у стапеля русский царь? Мастер крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь своим товарищам?» И англичане увидели, как высокий человек в кожаном фартуке, не говоря ни слова, отложил свой топор и подставил плечо под бревно, которое тащили плотники. Тяжелая работа не была в тягость Петру I. Он был неутомим и бесконечно любознателен. Однажды ночью он в экипаже переезжал мост, который чем-то его поразил. Остановившись, царь со складным аршином в руках полез под его своды, стал в темноте замерять и заносить в свою записную книжку при свете фонаря какие-то данные о сооружении. В свободные дни он любил ходить по Амстердаму – городу каналов и кораблей, посещал рынки, лавочки и мастерские. Там царь выучился чинить собственную одежду, узнал, как тачать башмаки, а у местного зубодера напрактиковался ловко выдергивать зубы,

чем впоследствии приводил в ужас своих придворных. Зимой, когда по замерзшим каналам голландцы весело катались на коньках, он любил сидеть в трактире за кружкой пива.

Не прошло и нескольких месяцев жизни в Голландии, как в январе 1698 года Петр I с небольшой свитой перебрался в Англию. Он хотел посмотреть, как живет в этой «всемирной кузнице», мечтал увидеть Лондон, подружиться с великим королем Вильгельмом III Оранским, который одновременно был правителем – штатгальтером Голландии – и одерживал блестящие победы над армией Людовика XIV. И еще одна практическая цель влекла царя-кораблестроителя в Англию. Голландское кораблестроение ему разонравилось. На голландских верфях все делалось на глазок, основываясь на большом опыте мастера. Получалось всегда неплохо, но для быстрого строительства десятков кораблей в России найти стольких мастеров было невозможно. Петр I понял, что недостаточно умело махать топором. Нужны знания сложных формул и чертежей, чтобы закладывать и строить сразу несколько, десятки типовых кораблей. Этому учили только в Англии. Петр поехал туда и довольно быстро научился проектировать корабли. Он был потрясен Англией, в особенности – ее флотом. Для русского гостя Вильгельм III специально устроил маневры и учебный бой. Петр был в восторге. И потом царь в досаде на своих неблагодарных подданных не раз говорил, что жизнь английского адмирала несравненно лучше жизни русского царя, и что «Англия – самый лучший и прекрасный остров в мире». С этим согласны многие в России и до сих пор.

Заметки на полях

К каким выводам пришел Петр I, закончив свою поездку в Европу? Ведь он познакомился с богатейшими, самыми развитыми странами мира, какими были Голландия и Англия. Он видел, как благополучно, удобно и в достатке живут в них люди. Петр оценил всю экономическую и военную мощь западной цивилизации. И как для каждого пытливого человека, для него наступил момент, когда он захотел понять: в чем же причина этих явных успехов людей в устройстве своей жизни, в чем заключается механизм благополучной жизни этих стран, как функционирует это общество. Восхищение Вильгельмом III Оранским, которое демонстрировал Петр, не скрыло для него ту истину, что ни в Голландии, ни в Англии Вильгельм не является государем, равным ему, Петру, по власти, что страны, которые он так любил, вообще не самовластные монархии. Нам известно, что Петр поспешино покинул заседание Генеральных штатов – высшего законодательного органа Нидерландов, что оставил без комментариев свое посещение английского парламента.

Позже, как известно, он выразился довольно категорично: «Аглинская вольность здесь не у места как к стенке горох, надлежит знать народ, как оным управлять». Как тут не вспомнить презрительные упреки Ивана Грозного в адрес королевы Елизаветы, у которой делами всеми ведают «торговые мужики». Словом, в концепциях реформ, в бросаниях из одной крайности в другую, он отчетливо исходил из идеи, что в России с ее (как он считал) ленивым, неблагодарным народом, с ее огромными неосвоенными пространствами единственным и главным источником движения вперед, основой прогресса, побед и благополучия является не то, что он видел на Западе – парламентаризм, система сословных прав и выборных органов власти, система собственности, а самодержавная власть. Мысль об этом он формулировал неоднократно. Запад, при всей его любви к Амстердаму и селедке, был нужен ему только для того, чтобы взять максимально большие в смысле технологии, прагматического утилитарного знания, использовать опыт западных специалистов в технике, медицине, строительстве, военном

деле, но не в политических и иных гуманитарных науках. Петр сделал вывод, который и сейчас делают многие недемократические страны. чтобы сделать свою страну богатой, сильной и процветающей, нужно быстро, не теряя времени, перенять с Запада все, что для этого нужно: промышленность, законы, обычаи, книги, одежду, оружие, технику. С тех пор и до конца эта идея не покидала его. Ей, этой своей государственной мечте, он посвятил всю свою жизнь. И ради осуществления этой мечты он не жалел ни времени, ни денег, ни себя, ни людей, ни России.

Петр вернулся в Голландию весной 1698 года и уже вместе с Великим посольством через всю Европу отправился в Вену. Есть версия, что из Вены Петр выезжал в Венецию. В венецианских архивах сохранились сведения тайной полиции о том, что какая-то группа неизвестных русских на один день приезжала в Венецию и осматривала город. Возможно, что среди русских был и сам Петр, желавший взглянуть на это чудо в Венецианской лагуне. Но в Вене он оставался недолго. Планы путешествия пришлось свернуть: из России было получено известие о мятеже стрелецких полков...

Бунт стрельцов. 1698. Развод с женой

Возможно, Петр еще задержался бы за границей, но из полученных им сообщений стало известно, что стрельцы, находившиеся в армии воеводы князя М. Г. Ромодановского, расположенной на западной границе, в Великих Луках, взбунтовались и двинулись к Москве. Возвращение Петра I было поспешным – он ехал день и ночь без сна и отдыха. Тем временем генерал Гордон с верными правительству войсками и артиллерией встретил мятежников под Новым Иерусалимом, у стен Воскресенского монастыря. После часового боя стрельцы бежали, последовали аресты и скорая казнь предводителей. Приехав в Москву, Петр начал расследование бунта, стремясь добраться до его истоков, установить возможную связь стрельцов с царевной Софьей и ее людьми. Для этого были основания – мятежники, пользуясь отсутствием царя в России, намеревались вернуть власть опальной царевне.

Никогда еще до этого не видели царя таким беспощадным и жестоким. Известно, что Петр сам участвовал в допросах и пытках стрельцов. Кроме того, он руководил массовыми публичными казнями мятежников, причем заставлял своих сподвижников собственноручно рубить приговоренным стрельцам головы. Всего по Москве и ее окрестностям казнили более двух тысяч человек, причем большинство из них отправляли на тот свет без следствия и суда, скопом.

Показательную жестокость царя можно объяснить его ненавистью к прошлому, которое вдруг проявило себя в мятеже стрельцов. Очевидно, что в это время он испытывал напряжение и страх. Пытки и казни перемежались грандиозными попойками, которые устраивал Петр и его окружение, что придавало всему происходившему особую зловещую мрачность, напоминавшую о страшных временах опричнины Ивана Грозного. Казни продолжались до начала 1700 года, причем царь особенно гневался на своих сестер Софью и Марфу. Добытые во время стрелецкого розыска факты с несомненностью говорили, что бывшая правительница участвовала в заговоре, через служанок и родственников получала от заговорщиков записки, запеченные в «стряпне» – в пирогах, и отвечала им. Петр лично допрашивал Софью и Марфу, но подвергнуть их пытке все же не решился. Однако ближним, комнатным женщинам царевен пришлось в полной мере испытать гнев царя – их жестоко пытали, а одна, будучи беременной, родила во время страшной пытки. В итоге Софья была изолирована в Новодевичьем монастыре, пострижена под именем Сусанна и умерла там же в 1704 году. Другую сестру Петра, Марфу, постригли в монахини под именем старицы Маргариты и заточили в Успенский монастырь (Александровская слобода, бывшее опричное гнездо Ивана Грозного). Там она и скончалась в 1707 году.

Жестокими массовыми расправами Петр I стремился ликвидировать все корни сопротивления ему. Более того, вернувшись в Москву, царь велел остричь бороды своим ближним боярам и предписал всем дворянам переодеться в европейские одежды. Его раздражал даже их внешний вид, не говоря уже об их мыслях, поступках, намерениях. Этим символическим действием он начал свои великие реформы. Чуть позже обрезание бород стало причиной кровопролитного восстания в Астрахани. И восставшие, и Петр понимали символическое значение происходящего. Борьба с бородой была не просто капризом царя: борода была неким знаменем, неким символом борьбы. Без бороды – наш, свой, с бородой – чужой, враг! Не у всех хватало мужества воспротивиться насилию. В 1704 году в Москву пришел нижегородец Алексей Иванов, крича: «Слово и дело». Он был схвачен и доставлен в камеру пыток. На допросе сказал: «Пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть. Пусть государь все переменит!» Не выдержав пыток – в застенке его спрашивали, кто его «подучил» говорить такое и кто его сообщники, – Иванов умер.

Таких смельчаков было мало, но многие также думали, что бороды и старинные одежды означают благочестие, которое царь-антихрист жестоко разрушает. От всей этой операции под названием «борода» осталось в народе тяжелое чувство. Как тут не вспомнить слова одного ученого: «Как же было нужно унижить свою страну, чтобы ее возвысить». Впрочем, через несколько лет купечеству и горожанам право носить бороды вернули. Желаящий мог заплатить 100, 50 или 30 рублей и – в зависимости от своего положения и состояния – получал специальный «бородовой знак» на шею и мог щеголять в бороде. Да уж какое тут щеголянье – бороду не уважали, а молодежь быстро пристрастилась к брадобритию и смеялась над невежественными отцами, заботливо прятавшими когда-то отрезанные царем бороды, чтобы их положили им в гроб, ведь на том свете можно было их нацепить и предстать перед господом в пристойном виде.

Оказавшись дома, Петр I даже не пожелал увидеться с женой, царицей Евдокией. Ее судьбу он решил уже давно – развод. Он с нетерпением ждал встречи со своей любовницей – дочерью немецкого виноторговца из Немецкой слободы Анной Монс, с которой его познакомил Лефорт. Несколько лет Анна была любовницей царя. Еще из Лондона Петр распорядился, чтобы опостылевшую ему Евдокию склонили к добровольному пострижению – только так можно было с ней развестись. По возвращению в Москву царь узнал, что указ его еще не выполнен, а царица до сих пор еще в Кремлевском дворце. Тридцать первого августа 1698 года царь четыре часа уговаривал супругу уйти в монастырь, но безуспешно. Тогда через месяц сына Петра, царевича Алексея, отобрали у матери и перевезли в Преображенское к сестре Петра царевне Наталье Алексеевне, а Евдокию отвезли в суздальский Покровский монастырь.

Царица Евдокия Федоровна.

Действующие лица

Царица Евдокия Федоровна

В 1689 году родные 17-летнего царя Петра I, даже не спросив его согласия, «ожили» его на 20-летней девице Евдокии Федоровне Лопухиной. Этот брак был частью интриги Нарышкиных против Милославских, женивших царя Ивана на Прасковье Салтыковой. Вместе Петр и Дуня прожили почти 10 лет, и царица родила трех сыновей, из которых выжил только Алексей. Но жизнь супругов не была счастливой. Дуня была явно не пара Петру. Они жили как будто в разное время, в разных веках: Петр жил и чувствовал себя в европейском XVIII веке с его свободой, открытостью, прагматизмом, а Дуня, воспитанная традиционно, оставалась в русском XVII веке, требовавшем от женщины следования обычаям терема, предписаниям Домостроя... Да и характерами супруги не сошлись. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Дуни – особы самолюбивой и строптивой,

которая не принимала образ жизни своего непоседливого мужа. Пропасть между супругами с годами все углублялась, особенно после появления в жизни Петра Анны Монс. Развязка наступила в 1698 году, когда по воле царя Дуню увезли в Суздаль. Двадцатидевятилетняя, полная сил женщина отчаянно сопротивлялась: она не хотела, чтобы ее заживо замуровали в келье. Приняв постриг и став старицей Еленой, она не примирилась со своей судьбой. Вскоре она сбросила монашескую куколь и стала жить как женщина светская, как паломница. Ей это позволяли – монахи помнили, что у них живет мать наследника престола, будущего царя Алексея. В 1710 году у нее начался короткий и бурный роман с майором Степаном Глебовым. Сохранившиеся письма Дуни к нему говорят о ней как о женщине темпераментной, живой и чувственной: «Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо, и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих политы моими слезами...» В 1718 году открылось дело царевича Алексея, по нему привлекли и Глебова, нашлись и письма Дуни. На очной ставке в застенке Дуню вынудили подписать покаянную расписку – один из уникальных документов русской истории: «Я, бывшая царица, старица Елена... с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата; писала своею рукою я, Елена». Зачем нужна была Петру такая расписка? Наверное, чтобы больнее ударить и страшнее оскорбить бывшую жену и собственного сына-наследника. О блуде Евдокии и Глебова было даже написано в манифесте, который читали по всей России... Глебов был живым посажен на кол посредине Красной площади. Почти сутки Глебов маялся на колу, чтобы он преждевременно не умер от холода, заботливые палачи надели на него полушубок... Все это время возле места казни стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча... Для Петра такое гордое упорство подданного – вопреки голосу разума, ужасу перед болью – оказалось неожиданным. Ни один преступник не имел права уйти на свободу или на тот свет с высоко поднятой головой – таков вечный принцип тиранической власти. И Петр этого не забыл. В 1721 году он приказал каждый год провозглашать во всех церквах анафему Степке Глебову, как ее провозглашали раньше Гришке Отрепьеву, Степке Разину, Ваньке Мазепе... Какой ряд, какие страшные государственные преступники! И среди них – всего-то сожигатель бывшей царицы.

Старицу Елену ждал монастырь-тюрьма в Новой Ладозе, да такой суровый, что даже охранники не выдерживали холода, умоляли начальство их оттуда «свести» – отозвать. Затем ее перевели в Шлиссельбург – тоже место, как известно, не курортное. Когда в январе 1725 года умер Петр и (час от часу не легче!) на престол вступила Екатерина I, жизнь узницы стала еще хуже. И лишь весной 1727 года с приходом к власти Петра II, ее родного внука, сына царевича Алексея, Евдокию освободили и отвезли в Москву. Но никакой политической роли она уже не играла и умерла в 1731 году в Новодевичьем монастыре, где когда-то закончила свою жизнь царица Софья.

Отправив Евдокию в монастырь, Петр получил нужную ему свободу от брака. Его роман с Анной Монс продолжался. Известно, что он намеревался жениться на Анне официально, если бы в 1702 году неожиданно не обнаружил, что Анна неверна ему. В документах утонувшего под Шлиссельбургом саксонского дипломата Кенигсека была найдена любовная переписка с

Анной Монс. После этого Анна на долгие годы была посажена под домашний арест. Потом она вышла замуж за прусского посланника. Умерла Анна в 1714 году.

Накануне Северной войны

Из-за границы Петр внимательно наблюдал за международной обстановкой в Европе, следил за ходом переговоров Великого посольства в Голландии, Пруссии и Австрии. Он видел, что обстановка в Европе становилась все напряженней, все опаснее. Уже давно Европа была ареной острого соперничества крупнейших держав – Англии, Франции, Голландии, Австрии. Их властители ждали, когда умрет престарелый и больной испанский король Карл II. Он был бездетен. На испанский престол претендовали многие, но в первую очередь внук могущественного и агрессивного французского короля Людовика XIV – герцог Анжуйский. Против неизбежного в этом случае усиления Франции резко выступали Англия, Голландия и Австрия. Приближалась война, получившая известность в истории как Война за испанское наследство (1702—1713). Россия не намеревалась вмешиваться в надвигающийся конфликт, но Петр стремился учесть и использовать его, когда обдумывал будущее направление политики своей страны.

А думать было о чем – Россия оказалась на перепутье. На протяжении всего XVII века первостепенное значение для России имели три направления политики: южное – отношения с Турцией и ее вассалом Крымским ханством, западное – отношения с Польшей (Речью Посполитой) и, наконец, северо-западное – отношения со Швецией. Они развивались в XVII веке неровно и драматично. Несколько столетий угроза татарских набегов висела над южнорусскими землями. Крым считал себя наследником Золотой Орды и рассматривал Россию как своего вассала, требуя уплаты ежегодной дани, которую в Москве скромно называли подарками – «поминками», но, тем не менее, возили в Бахчисарай даже при Петре. Это не спасало Россию от набегов. Весь XVII век кочевники совершали их, уводили из русских сел и городов сотни тысяч русских пленных, которых продавали как рабов на рынках Стамбула и Ближнего Востока.

Когда же Крым подпал под власть Османской империи – сильного и агрессивного государства, чьи войска угрожали всей Европе, – опасность с юга для России возросла. Турки прочно закрепились в Северном Причерноморье и не переставали делать попытки продвигнуться дальше на север – на Украину, ставшую с середины XVII века полем упорной борьбы России и Польши. Крымские (1687 и 1689 годы) и Азовские (1695 и 1696 годы) походы против татар и турок были совершены Россией, как уже сказано выше, в ответ на просьбы союзников по Священной лиге – Австрии, Венеции и Польши. К моменту отъезда Великого посольства в Европу весной 1697 года война Лиги против османов еще не кончилась, но военные действия стороны фактически не вели. Великое посольство должно было расшевелить задремавших союзников России. Петр как раз был упоен победой под Азовом и думал о расширении своих завоеваний на юге, для чего и строил в Воронеже флот, основал Таганрог и другие крепости. Черное море казалось Петру тем морем, на котором он встанет твердою ногой и «запирует на просторе». Но воевать с турками в одиночку было трудно. Могущество османов было общеизвестно, и для того, чтобы решить исход затянувшейся борьбы, требовались слаженные и энергичные действия союзников.

Отправляясь в посольство, Петр надеялся привлечь к борьбе с турками новых европейских государей, для чего велись переговоры в Бранденбурге, Голландии, Англии. Но ни того ни другого не произошло. Австрия и другие страны – члены Священной лиги – готовились к большой войне в Европе (позже она получила название «Войны за испанское наследство»), и проблема Турции их уже не волновала. Петр же прекрасно понимал, что России одной выйти на побережье Черного моря не удастся – не хватит сил.

Долгое время не годилась в настоящие союзники против турок и тогдашняя Польша. Но в июне 1696 года умер польский король – воин Ян Собеский, и в Польше наступило тяжелое время «бескоролья», когда разгорелась отчаянная борьба партий различных кандидатов на польский трон. Петр не упускал из виду польские дела. Его, как русского царя, весьма интересовала раскладка сил в самой Речи Посполитой. В XVII веке Россия и Польша находились в неприязненных, а часто и открыто враждебных отношениях. После Смуты начала XVII века, когда Польша фактически оккупировала Россию и захватила ее западные земли, русские самодержцы боролись за возвращение этих земель, и прежде всего Смоленска. В 1650–1660-е годы яблоком раздора в отношениях соседей стала Украина. После долгой войны России удалось отстоять свои новые владения и, согласно «вечному миру» 1686 года, приобрести и столицу Украины Киев.

Заглянем в источник

К петровскому времени Россия в отношениях с Польшей все чаще стала применять подкуп весьма жадных до золота польских вельмож. Она стремилась натравить одни группировки знати на другие, ставя конечной целью всемерное ослабление Речи Посполитой за счет сохранения разрушающих государственность неограниченных вольностей и шляхты. Одновременно Россия стала считать Польшу зоной своего влияния и отчаянно сопротивлялась вмешательству в польские дела других держав, особенно Франции, у которой был всегда готов кандидат на польский трон. Так было и в 1697 году, когда в Варшаве зачитали упомянутую грамоту русского царя:

«Мы, великий государь, наше царское величество, имея ко государям вашим, королям польским, постоянную дружбу, так и к вам, паном раде и Речи Посполитой, такого короля с французской и с турецкой стороны быти не желаем, а желаем быти у вас на престоле королевства Польского и великого княжества Литовского... королем какого народу ни есть (т. е. любого происхождения. – Е. А.), только б не с противной стороны».

Чтобы царская грамота прозвучала в Варшаве весомее, 60-тысячному корпусу боярина М. Г. Ромодановского велено было перейти польскую границу.

Постепенно в течение XVII века Польское государство начало слабеть, а влияние России в ее внутренних делах усиливалось. Когда после смерти короля Яна Собеского поляки стали выбирать между двумя кандидатами на польский престол – французским принцем Конде и саксонским курфюрстом Фридрихом-Августом, Петр не замедлил вмешаться в это внутреннее дело соседнего государства. Фигура Конде, ставленника Людовика XIV, который был традиционным союзником Турции, категорически не устраивала Россию. Поэтому Петр послал шляхте в Варшаву грозную грамоту с предупреждениями и угрозами.

Словом, Петр был готов огнем и мечом поддержать кандидатуру более приемлемого для России саксонского курфюрста, который осенью 1697 года и стал польским королем Августом II и, естественно, союзником России. Это стало ясно, когда Петр I, возвращаясь летом 1698 года из Австрии, остановился в польском городе Раве-Русской и встретился с Августом II Сильным. Они сразу нашли общий язык и понравились друг другу. Оба были молоды и почти ровесники (Август родился в 1670, а Петр – в 1672 году). Как и Петр, Август был высоким и сильным человеком, что и отразилось в его титуле. Как и Петр, Август только что начал свою политическую карьеру и был заинтересован как в усилении своей родной Саксонии, курфюрстом которой он продолжал оставаться, так и в упрочении своей власти в Польше. Этого можно было достичь лишь личным авторитетом и будущими победами над неприятелем.

Остается неясным, когда и при каких обстоятельствах произошло изменение внешнеполитического курса России, которое привело ее к военному союзу с Саксонией, Данией и к войне со Швецией. Нельзя исключить, что именно во время беседы двух монархов в Раве была высказана мысль о совместных действиях против Швеции, слетело с уст то роковое слово, которое определило будущее всей Северной Европы почти на четверть века. Неслучайно, что сразу же после возвращения Петра начинаются тайные переговоры русских, датских и саксонских дипломатов.

Заметки на полях

Петр и Август были тогда молодыми и самонадеянными. Неприятель, против которого собрались обнажить мечи Август II и Петр I, был истинным повелителем Севера. До этого полтора столетия Швеция вела длительные войны со своими соседями – Россией, Данией, Речью Посполитой, Бранденбургом (Пруссией). Успех постоянно сопутствовал шведам, побеждавшим на поле боя всех своих врагов. Расширение Шведской империи началось в середине XVI века, когда король Эрик XIV отобрал у Дании Ревель (ныне Таллинн). Затем шведы захватили Ливонию и Финляндию. Особенно успешны были действия короля-полководца Густава II Адольфа, который в 1610–1620-е годы силой оружия принудил Россию уступить старинные новгородские земли: Карельский уезд, Ингрию (Ижорские земли), а у Речи Посполитой отобрал город Ригу и Лифляндию. К этому нужно добавить, что в начале XVII века шведы долго оккупировали Великий Новгород и Псков.

Настоящим триумфом в 1648 году закончилась для Швеции Тридцатилетняя война. Шведская империя получила обширные земли на севере Германии, а именно в Померании. Война с Данией в 1640–1650-е годы принесла Швеции богатую добычу – юг Скандинавского полуострова (Сконе), Восточную Норвегию. В войнах с русскими и поляками в 1655–60 годах шведам удалось отстоять свои завоевания в южной и восточной Прибалтике. В итоге, во второй половине XVII века территория Шведской империи тянулась от Северного до Баренцева моря. При этом почти все побережье Балтийского моря находилось во власти шведов. Все владения Швеции были признаны ее соседями, которые были вынуждены подписать с ней договоры о границах и постоянно их подтверждать. Для России такими договорами был Столбовский мир 1617 и Кардисский мир 1667 года.

Население Швеции составляло всего 2 млн человек, но ее могущество опиралось на развитую горнорудную и металлургическую промышленность, воинственную неустранимость ее королей-воинов и дворянства. Передовая стратегия полководцев, опыт и мужество офицеров и солдат были залогом блестящих побед шведов. Важно и то, что шведскую армию составляли полки, которые набирались из сельских жителей особых военных округов. В мирное время солдаты и офицеры жили среди крестьян. Все это сплачивало однородную по национальному составу армию, делало ее грозной силой для любого противника. Против Швеции можно было действовать только в союзе с другими странами – так велика была ее военная мощь.

В конце XVII века шведы, как и прежде, оставались такими же гордыми и властными соседями России. Сколько ни пытались русские дипломаты добиться от Швеции отмены условий унижительного Столбовского мира 1617 года и возвращения русских земель по Неве и в Карелии, ответ всегда был отрицательный. Так, во время русско-шведских переговоров 1676 года

королевские послы решительно заявили, что «ни одной деревни не уступят, хотя бы и до войны дело дошло». А порой бывало, что шведские дипломаты, не закончив переговоров, сворачивали шатры (обычно переговоры шли на пограничной реке Плюсе) и уезжали домой. И тем не менее, Швеция в конце XVII века не была заинтересована в войне с соседями. Это диктовалось обстановкой в стране. В 1697 году умер король Карл XI, и на престол вступил 15-летний юноша Карл XII, у которого не было никакого опыта управления страной и армией. Поэтому шведы всячески демонстрировали свое миролюбие России, подарили в 1697 году Петру 300 пушек для Азовского флота, а в 1699 году прислали посольство, которое заверило, что будет «свято хранить все договоры с Россией». Торжественного подтверждения этих договоров шведские дипломаты потребовали и от русского царя. Петру и его сановникам пришлось очень трудно. Нужно было, с одной стороны, не возбудить подозрений шведов, но, с другой стороны, избежать традиционной клятвы в верности договорам на Евангелии, чтобы потом, после неминуемого разрыва со Швецией, не прослыть клятвопреступником. Летом 1700 года с ответным визитом в Стокгольм прибыло посольство стольника князя Якова Хилкова, который вручил Карлу XII грамоту с заверениями царя Петра в дружбе. Почти в те же дни в Москве было объявлено о начале войны со шведами.

Создание Северного союза. Северная война

Тревоги шведов были не напрасны. Уже в 1698 году им стало известно, что русские ведут переговоры с саксонскими и датскими дипломатами о заключении союза против Швеции. Так это и было. Переговоры были трудными и тянулись два года. Каждая из сторон стремилась с самого начала занять наиболее выгодное для себя положение и получить в конце концов наибольший кусок от шкуры неубитого шведского льва (лев под тремя коронами был символом Шведского королевства). На главную роль в Северном союзе претендовал Август II. Он намеревался захватить самую богатую заморскую провинцию Швеции – Лифляндию с городом Ригой. Это позволило бы Августу II усилить свое влияние в Польше, и в Прибалтике вообще. По замыслу короля, России отводилась вспомогательная роль.

В описываемое время Петр еще не был тем опытным, искушенным в международных делах дипломатом, каким стал позже. Поначалу он безоглядно доверял Августу и поэтому согласился на роль помощника Саксонии. Между тем задачи, которые ставила перед собой Россия, были серьезны и важны для ее будущего. Речь шла, как тогда говорили, о возвращении «отчин и дедин» – владений, которые захватила Швеция, воспользовавшись ослаблением Русского государства, Смутой начала XVII века. Это не было просто формальной причиной войны. Как самодержец Петр, потомок русских царей, хотел вернуть России то, что ей издавна принадлежало. В этом усматривалось восстановление справедливости и желание смыть позор старых поражений, оскорблявших русских самодержцев. Одновременно Петр руководствовался и желанием получить прямой выход русской территории к морю. Точно так же за несколько лет до этого он прорывался к Азовскому морю. Независимость государства понималась тогда прежде всего как свобода торговли и международных связей без всяких посредников, прямо через объединяющий все страны мировой океан и его моря.

Петра на пути к войне со шведами сдерживало только то, что с Турцией еще не был заключен мир. В 1699 году на корабле «Крепость» в Стамбул отплыл думный дьяк Емельян Украинцев и вел там довольно долгие переговоры о мире. Союзный договор с Саксонией был подписан в селе Преображенском 11 ноября 1699 года. Россия обещала вступить в войну тот-

час после заключения мирного трактата с Турцией. Символично, что много лет спустя, празднуя в 1722 году первую дату заключения Ништадтского мира со Швецией, Петр собственноручно поджег деревянный Преображенский дворец, в котором прошло его детство и из которого в 1699 году вырвался невидимый огонь войны.

В Москву прибыло и посольство короля Дании. С этой далекой, но сильной страной Россию связывала общая обида на Швецию. Кроме Дании не было на Балтийском побережье страны, которую так долго и жестоко угнетала бы Швеция. Шведы часто воевали с датчанами и последовательно лишили их многих владений на Скандинавском полуострове. В конце XVII века шведы окружили Данию и со стороны материка – в соседнее с Данией герцогство Голштинию они ввели свои войска. Поэтому, как только в столице Саксонии – Дрездене – 14 сентября 1700 года был подписан союзный договор Дании и Саксонии, датские войска вступили в Голштинию и осадили крепость Рененбург. Саксонцы начали войну еще раньше. Уже в начале февраля 1700 года их войска без объявления войны вторглись в Лифляндию и осадили Ригу.

Наконец, 8 августа 1700 года в Москве было получено известие от Украинцева о заключении мира с турками. Тотчас на улицах Москвы глашатаи стали читать давно уже подготовленный указ о вступлении России в войну против Швеции. Известно, что Петр буквально рвался в бой. По словам датского посла, «царь весь отдался делу войны... раздражение его растет, нередко со слезами на глазах выражает он свою досаду на замедление переговоров в Константинополе». В последний момент Петр поддался на просьбы Августа II и, вместо Ингрии (район Невы), приказал направить войска к границам Эстляндии, где на берегах реки Наровы стояли две шведские (бывшие русские) крепости – Иван-город и Нарва. Их предстояло взять русским войскам и, оттянув часть сил шведов от Риги, тем самым оказать помощь саксонцам.

Заглянем в источник

Довольно крупной фигурой начала Северной войны был лифляндский дворянин И. Р. фон Паткуль, который уехал из шведских владений и перешел на службу сначала к Августу II, а потом к Петру I. Он был честолюбивым, довольно прагматичным и даже циничным деятелем, стремившимся повсюду быть на первых ролях. В 1699 году он составил мемориал для Августа II об условиях создания Северного союза и заключения трактата с Петром I. В мемориале так сказано о России:

«...Москва есть третье государство, требующее особенного внимания. На содействие царя более всего можно полагаться потому, что он сам предложил его королевскому величеству (Августу II. – Е. А.) войну со Швецією... От содействия царя все зависит... В трактат внесено будет обязательство царя помогать Его королевскому величеству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно употребить только для прикрытия апрошей. Кроме того, трактатом необходимо в известных случаях крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска, то есть чтобы не овладел Лифляндиею. Надобно определить в трактате положительно, что должно ему принадлежать; для сего представить ему всю нелепость доводов, которыми предки его доказывали свое право на Лифляндию, и объяснить историю и географиею, на какие земли могли бы они простирать справедливые притязания, то есть не далее Ингерманландии и Карелии».

Мысли Паткуля о России как о послушном слоне, неисчерпаемом источнике пушечного мяса и денег разделяли многие союзники Петра. Так случилось, что опасения Паткуля оказались не напрасны – Россия не

ограничилась «отчинами и дединами» и захватила Эстляндию и Лифляндию, на которую рассчитывал Август. Но Паткуль об этом никогда не узнал. Будучи в 1705 году чрезвычайным послом России при дворе Августа, он был выдан в руки шведам и по указу Карла XII казнен как государственный изменник – ведь формально, как лифляндец, он оставался подданным шведского короля.

Огромная, почти 40-тысячная русская армия 11 сентября подошла к Нарве, гарнизон которой не насчитывал и двух тысяч человек. Так для России началась Северная война, которая продолжалась 21 год. Она окончилась лишь тогда, когда родилось, подросло и даже повзрослело новое поколение, для которого память о «злосчастной» Нарве 1700 года стала уже давним преданием.

«Нарвская конфузия»

Нарва оказалась крепким орешком. Ее осада затянулась до поздней осени. Обложив крепость со всех сторон, русские войска долго ждали, когда подвезут осадные орудия. Без них взять мощные укрепления Нарвы было невозможно. Размытые же дороги мешали быстро доставить тяжеленные пушки на берега Наровы. Лишь 20 октября 1700 года Петру удалось впервые выстрелить из мортиры по укреплениям крепости. Но артиллерийская подготовка была только началом всякой осады – сложного военного дела.

Между тем ситуация для русских войск с каждым днем становилась все более тревожной. Многие осадные орудия и порох оказались скверными, трижды штурм довольно слабых укреплений Иван-города проваливался, в лагере начались заразные болезни. Еще хуже обстояли дела у союзников. Под Нарвой стало известно, что 14 июля 1700 года шведская эскадра бомбардировала Копенгаген, а затем Карл XII высадился с десантом на берег и окружил датскую столицу. Это было так неожиданно, что датчане, не ожидавшие такой прыти от молодого короля шведов, сразу же запросили мира. Он был подписан в германском замке Травендаль. Датский король Фредерик IV выполнил все желания Карла: Дания вышла из войны и разорвала Северный союз. Тревожные известия поступали и из лагеря Августа II под Ригой. Опасаясь приближения Карла, он уехал в Польшу. Россия осталась один на один со своим противником. В начале октября русское командование узнало, что отборные шведские войска во главе с королем высадилась в Пернау (Пярну) и направились к Ревелю (Таллинн). Шестнадцатого ноября Карл XII атаковал конное войско Б. П. Шереметева и заставил его отступить с дороги на Нарву. Стало ясно, что Карл движется к осажденной крепости, чтобы выручить ее гарнизон. Против засевшей в осадном лагере русской армии, которая по числу солдат в 2,5 раза превосходила шведскую, у Карла было одно оружие – быстрота и натиск.

Девятнадцатого ноября 1700 года шведы стремительно атаковали русский лагерь. Им удалось прорвать укрепления и внести в ряды противника панику. Русские солдаты бросились на мост через Нарову, началась давка, плавучий мост рухнул, тысячи людей оказались в ледяной воде. Панике поддавалась и конница Б. П. Шереметева. Она бросилась в Нарову и, потеряв тысячу человек, переправилась на безопасный правый берег. Лишь гвардейские полки – Преображенский и Семеновский – да Лефортов полк достойно встретили неприятеля и сумели удержать свои позиции. Ночью русское командование решило капитулировать. Отдав победителям знамена и артиллерию, русские войска начали переходить Нарову по наскоро восстановленному мосту. Шведы не сдержали слово и стали отбирать у русских солдат оружие, грабить обозы. Ими же были задержаны многие генералы и офицеры русской армии. Их увезли в Швецию, где они провели в тюрьме долгие годы.

Взятие Нарвы в 1704 г.

К этому времени самого Петра уже не было среди дравшихся под Нарвой. Буквально за день до нарвской драмы он, взяв с собой главнокомандующего войсками Ф. А. Головина и своего фаворита А. Д. Меншикова, поспешно покинул лагерь и уехал в Великий Новгород. Нет оснований обвинять Петра в трусости – под стенами Азова он показал себя с самой лучшей стороны. Возможно, не зная воинских талантов Карла, он думал, что тот не решится сразу же атаковать превосходящие силы русских, а будет маневрировать, искать возможности соединиться с осажденным гарнизоном. Возможно, Петр, покидая лагерь под Нарвой, решил не рисковать, ибо с капитуляцией или гибелью царя война была бы безвозвратно проиграна. Несмотря на всю свою смелость, Петр всегда избегал ненужного риска.

Известие о страшном поражении застигло Петра в Новгороде. Но царь не впал в отчаяние, не проявил слабости. Наоборот, как часто с ним бывало в тяжелые минуты, он собрался и начал действовать. О решительности и целеустремленности Петра говорят его письма и распоряжения приближенным.

Засев в Новгороде, Петр I стремился прикрыть дорогу на Москву оставшимися в строю войсками и одновременно поручил Шереметеву беспокоить неприятеля на его территории. Впрочем, все зависело от дальнейшего поведения нарвского победителя. Карл же, деблокировав Нарву и опрокинув русские войска, не стал развивать успех и остановился на зимовку под Дерптом (Тарту). Отсюда перед ним было две дороги: одна в Россию, на Псков, Новгород и Москву, другая в Лифляндию, на Ригу. Разбитый Петр I не казался королю опасным. Поэтому он решил расправиться в первую очередь с Августом – ведь саксонские войска стояли в Лифляндии и представляли серьезную опасность для шведских владений в Прибалтике. Кроме того, Карл испытывал какое-то мстительное чувство к вальяжному, склонному к роскоши польскому королю, которого он хотел непременно унижить, «проучить». Поэтому к Риге, а не к Пскову повернул он весной 1701 года свои войска. Петр мог благодарить Бога – он получил отсрочку. У него появилась возможность восстановить разгромленную армию и возобновить военные действия.

Несмотря на неудачи, царь стремился сохранить Северный союз, давший трещину после поражения союзников. В феврале 1701 года Петр встретился с Августом II в литовском городе Биржай и добился сохранения союзного договора. Для этого Россия пошла на жертвы: обещала помочь Августу деньгами и солдатами (вспомним Паткуля). Но летом 1701 года царь получил

новое огорчительное известие – Карл разбил саксонцев под Ригой, а русский вспомогательный корпус генерала А. И. Репнина, не оказав союзнику помощи, отошел по псковской дороге. И опять Карл, увидев поспешное отступление русских, не стал их преследовать. Его целью стало острое желание победить Августа II, которого он считал бесчестным и недостойным уважения государем.

1701 и 1702 годы прошли для Петра в напряженной работе. Русские войска, которыми командовал ставший фельдмаршалом Б. П. Шереметев, выполняли тот план, который наметил царь в письме к нему, а именно непрерывно разоряли владения неприятеля. Шереметев воспользовался отсутствием крупных сил шведов в Лифляндии и Эстляндии и стал последовательно и осторожно совершать вылазки и рейды в шведские владения. Его многочисленные войска разоряли богатейшие провинции: сжигали города, деревни и хутора, уничтожали посевы, угоняли в плен местных жителей. Целью этих жестоких акций было запугать население, а также лишить шведскую армию запасов и удобных баз. За 1701—1702 годы русская армия взяла 8 малых крепостей и городов и сожгла более 600 деревень и мыз.

Заглянем в источник

В те памятные тяжелые дни ноября-декабря 1700 года Петр приступил к восстановлению сил армии. Он серьезно опасался подхода шведов ко Пскову и Новгороду. Эти крепости поспешно укреплялись – на земляные работы вышли все, в том числе престарелый Новгородский митрополит Иов. Со всех сторон по воле царя съезжались дворяне, входившие в Новгородский полк. Пятого декабря 1700 года Петр написал Б. П. Шереметеву, который вывел из-под Нарвы свою поредевшую конницу. По-видимому, Шереметев предполагал, что наступил обычный на время зимы перерыв в военных действиях и рассчитывал на отдых. Но не тут-то было. Петр предупреждал Шереметева и нацеливал его на продолжение войны даже зимой:

«Не след есть при несчастии всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею... ближних мест беречь (для последующего времени) и иттить вдаль, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, так же реки и болота замерзли...»

Эта целеустремленность и решительность стали главными чертами Петра и на все последующие годы.

Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев.

Летом 1701 года Шереметевым была одержана первая заметная победа над шведами в Южной Эстляндии, у селения Ряпина. В январе 1702 года он одержал новую победу – у деревни Эрестфер, а потом – у деревни Рыуге в Эстляндии. Эти скромные победы, достигнутые преимущественно не умением, а числом, благоприятствовали моральному подъему русской армии, еще не пришедшей в себя после поражения под Нарвой. Кроме того, вновь набранные солдаты получали в сражениях и стычках бесценный боевой опыт.

Заглянем в источник

После того как войска Шереметева закончили поход и начали вставать на зимние квартиры, голландец де Бруин писал из Москвы: «14-го сентября привели в Москву около 800 шведских пленных, мужчин, женщин и детей. Сначала продавали многих из них по 3 и по 4 гульдена за голову, но спустя несколько дней цена на них возвысилась до 20-ти и даже до 30 гульденов. При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленных, к великому

удовольствию сих последних, ибо иностранцы покупали их для услуг своих только на время войны, после которой возвращали им свободу. Русские также купили многих из этих пленных, но несчастнейшие из них были те, которые попадали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю – положение самое плачевное».

Вообще, положение пленных – как военных, так и гражданских лиц – в те времена было ужасным. До Семилетней войны в русских войсках господствовал древний обычай, согласно которому плененные воины и жители завоеванных стран являлись трофеями победителей наряду с их имуществом, скотом и прочим. По этому закону все пленные становились «полоняниками», проще – рабами, независимо от прежнего статуса человека, живой собственностью захватившего их солдата или офицера. Убийство пленного преступлением не считалось, а разлучение и продажа захваченных в плен семей, насилие над женщинами и детьми было в те времена обычным явлением.

Летом 1701 года удалось отбить и нападение шведской эскадры на Архангельск. План шведов разорить главный порт России, через который поступали с Запада необходимые ей товары, провалился благодаря подвигу лоцмана Ивана Рябова, который посадил на мель два шведских судна прямо под пушками Новодвинской крепости и тем самым не позволил шведскому флоту пройти к городу-порту.

Действующие лица

Фельдмаршал Борис Шереметев

Почти всю Северную войну он был главнокомандующим русской армии, ее старейшим фельдмаршалом, уважаемым, родовитым аристократом. Шереметев с молодых ногтей верой и правдой служил государю, был потомственным профессиональным военным и дипломатом. Крупный, даже толстый, с бледным лицом и голубыми глазами, Шереметев выделялся среди прочих вельмож степенностью, своими благородными, спокойными манерами, любезностью и воспитанностью. Петр, государь деспотичный, склонный к непристойным розыгрышам, никогда не позволял себе проделывать их со старым воином, хотя порой шутил с ним весьма жестоко. Шереметев бывал за границей, хорошо знал западные обычаи и еще до реформ Петра был одет в модную европейскую одежду и брил лицо.

Однако при всех своих заслугах Шереметев не был выдающимся человеком, оставался личностью вполне заурядной, неяркой, без воображения и духовных исканий. «Не испытлив дух имею», – признавался он в письме своему приятелю Ф. М. Апраксину. Но зато в нем была та солидная надежность, которая внушает подчиненным уверенность и придает мужество даже в самом жарком бою. Возможно, поэтому Петр и верил ему свою армию, хотя был всегда недоволен медлительностью Шереметева. Но при этом Петр не спешил расставаться с Шереметевым, не отправлял его в отставку, ибо он знал наверняка, что старый конь борозды не испортит и что российский Кунктатор зря не станет рисковать, не бросится в авантюры. А Шереметеву было ведомо, что сам Петр не любит риск и бережет армию – единственного союзника России. Кроме того, в военной среде всегда есть некий «счет», и по нему Шереметев был, бесспорно, первым: по происхождению, знатности, стажу службы, старшинству. Он вел «негероическую», но рациональную войну, насколько она возможна в России:

медленно, с огромным перевесом сил продвигаться вперед, закрепляться и ждать новых распоряжений государя.

А вообще-то жизнь фельдмаршала была тяжелой, изнурительной. Грозный для врагов, он был придавлен страшной ответственностью: все время боялся не только за врученную ему армию, но и за себя. Петр, используя способности и опыт Бориса Петровича, не доверял ему как представителю старого боярства, чуждался его и не пускал в свой ближний круг, посылая соглядатаев в штаб фельдмаршала. В этом неустойчивом, ненадежном положении Шереметев вечно страшился чем-нибудь прогневить царя, лишиться его милости, пожалований и похвалы. Он умер в Москве 17 февраля 1719 года. До самого конца у Шереметева не было ни воли, ни душевного и физического покоя. Царская служба пожирала все его время, всю его жизнь. Богатейший помещик России, он редко бывал в своих владениях. Он не раз порывался в отставку. «Боже мой, – писал он своему другу Апраксину, – избави нас от напасти и дай хоть мало покойно пожить на сем свете, хотя и немного пожить». Он пытался уйти в Киево-Печерский монастырь. Но Петр поднял боярина на смех и вместо пострижения приказал ему жениться на молодой женищине. Тяжело заболев в 1718 году, Шереметев просил в завещании похоронить его в Киево-Печерском монастыре – не удалось пожить там, так буду хотя бы лежать в святом месте! Но государь решил иначе. Шереметева похоронили в Александро-Невском монастыре. Так, даже смерть старого фельдмаршала, как и прожитая им в вечном страхе и неволе жизнь, послужила высшим государственным целям – основанию знаменитого некрополя.

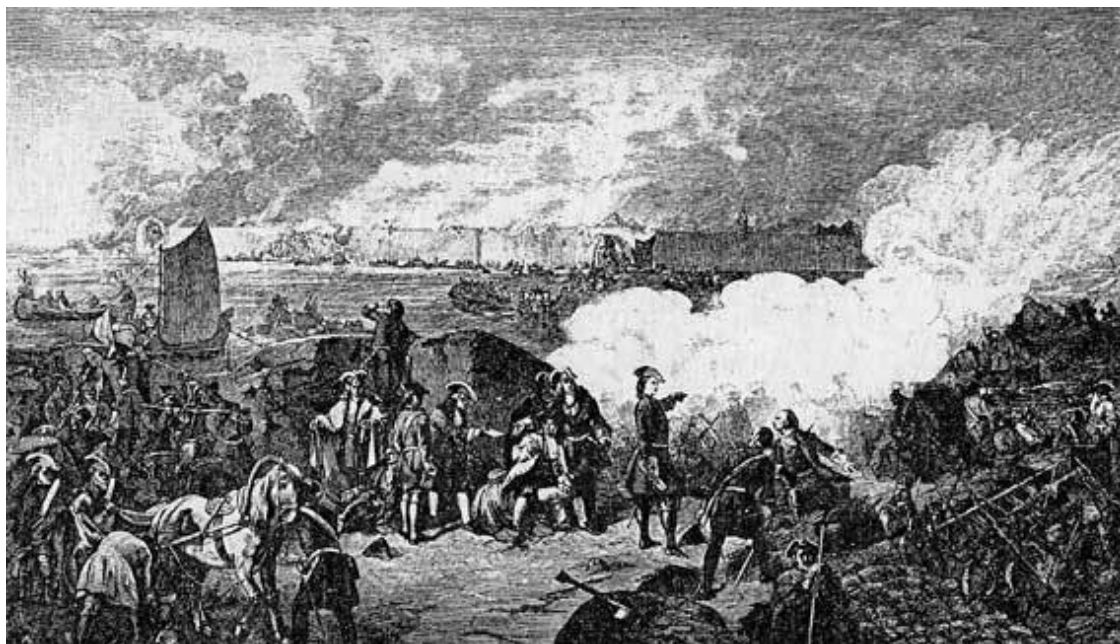
Как «разгрызли» Орешек

К лету 1702 года стало ясно, что не разорение Эстляндии и Лифляндии было главной целью Петра в этой войне. У него созрел план самостоятельных и неожиданных для всех участников конфликта действий. С началом 1702 года Петр решил завоевать для России шведскую Ингрию. Он тщательно готовился к походу и отвлекал внимание Карла XII, ушедшего в Польшу, рейдами армии Шереметева, не опасными для Риги и других крупных крепостей Лифляндии и Эстляндии. А в это время в тылу кипела напряженная работа: готовились и скрытно перебрасывались войска, в Ладоге и других пограничных городах делали запасы боеприпасов и снаряжения для осады и взятия крепостей. Летом 1702 года Петр уехал в Архангельск и 19 августа из приморской деревни Нюхчи писал Августу II с неясным намеком: «Мы обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно с Божиею помощью, некоторое начинание учинить». Что это было за «начинание», стало известно в конце августа.

Оказывается, Петр определил, что побережье Белого моря находится всего в 170 верстах от Онежского озера, соединенного рекою Свирью с Ладожским озером и – соответственно – с Невой. Он приказал проложить через лес дорогу и, используя традиции русских волоков, перетащить силами местных крестьян и солдат тринадцать морских судов, в том числе две яхты, которые уже 26 августа 1702 года были спущены в воды Онежского озера, а потом по Свири перешли в Ладогу. Одновременно Шереметеву и Репнину был дан приказ двигаться к шведской крепости Нотебург.

Петр действовал наверняка. Армия Карла была в Польше, а в Ингрии, Карелии и Финляндии оставались весьма слабые группировки и гарнизоны шведско-финских войск. Перевес русской армии, превосходившей противника в разы, был подавляющим. Занятый войной в Польше, Карл не мог помочь своим войскам и гарнизонам в Прибалтике. Серьезным недо-

статком русских войск было отсутствие у них военных кораблей, без которых контролировать большие водные пространства Ладоги, Невы и взморья было сложно. Но и здесь Петр многого сумел добиться. В самом начале 1702 года на только что основанной Сясьской верфи голландский мастер Воутер Воутерсон приступил к строительству первых кораблей. Одновременно были основаны две другие верфи – Новоладожская и Лодейнопольская. Так начали создавать будущий Балтийский флот. Сюда, на Ладогу и Онегу, приехали нанятые в Европе моряки и кораблестроители, среди которых было особенно много голландцев, а также греков и иллирийцев – лучших строителей и шкиперов гребных судов на Средиземном море.

Взятие Нотебурга.

Заглянем в источник

Исторические источники дают порой редкую возможность взглянуть на совершившееся в прошлом событие с разных сторон. Сохранилась запись в «Журнале, или Поденной записке Петра Великого», внесенная туда сразу же после штурма Нотебурга. Вот описание самого острого момента штурма:

«Учинился великий пожар в крепости, и потом наши охотники (добровольцы. – Е. А.)... указ получили к нападению и... начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался. Того ради, посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а потом Преображенского полка майор Карпов... с командированными. И так сей приступ продолжен был в непрестанном огне 13 часов... однакож на брешь, ради крутости и сильного супротивления неприятельскаго, за краткостью наших приступных лестниц... взойти и овладеть не могли; а неприятели... непрестанно дробом по нашим из пушек стреляли, такоже бомбы, непрестанно зажигая, со стены катали, от чего великий и несносный вред нашим учинился, чего для уже указ послан был для отступления, но оной посланный ради тесноты пройти до командира не мог, а командующий подполковник князь Голицын суда велел порозжия отпустить, понеже стали люди некоторые от той неприятельской жестокой стрельбы бежать, и когда сие замешкалось, тогда от бомбардир поручик Менишков суда собирать

начал и еще... людей к берегу явно привел для переезда на помощь нашим. Тогда неприятель, видя такое десператное (отчаянное. – Е. А.) действие наших, также в 13 часов толь утомлен, ударил шамад (сдачу. – Е. А.)».

А вот дошедший до нас шведский документ – «Донесения о главнейшем, что произошло во время осады Нотебурга русскими». Он относится к 1702 году и рисует нам картину, видную со шведской стороны в тот же самый, описываемый «Журналом» Петра Великого момент, когда русские...

«...вметнули в крепость огненный шар (раскаленное ядро. – Е. А.), посредством которого куча разрушенных домов была охвачена пожаром, который с величайшим трудом смогли погасить... вскоре враги начали штурмовать все 3 бреши... Первая атака была с 1 часа до 6 часов утра и враги на этот раз были мужественно отбиты непрерывным киданием гранат, но тем не менее тотчас после этого продолжили со свежими и более многочисленными силами другую атаку... которая тогда же и таким же образом, как первая была отражена. Третья атака совершена врагами с другими свежими и еще более многочисленными силами, с наибольшим натиском до 3 часов после полудня, и была тогда также, но с наибольшим трудом отбита, так как под рукой больше не было гранат и вместо них пришлось пользоваться камнями; и поскольку враги не позволяли себе этим удовлетвориться, но осаждали крепость со всей наличной силой, которая перевозилась на лодьях, и теперь уже (у гарнизона. – Е. А.) не было под рукой многих гранат, также кремней, ружья также из-за продолжительной стрельбы разрывались, все пули были израсходованы... и гарнизон был совсем ослаблен... Тогда все офицеры сделали представление коменданту о невозможности далее обороняться от столь крупной силы, которая снова была готова напасть».

После такой достойной обороны шведы сдали крепость.

И еще один документ – знаменитое письмо Петра I думному дьяку А. Винуису с упоминанием о «разгрызении ореха»:

«Объявляю вашей милости, что помощью победыдаваца Бога, крепость сия, по жестокому и чрезвычайно трудном приступе (которой начался в 4 часа по полуночи, а кончился по четырех часов по полудни), здалась на акорт (договор о сдаче. – Е. А.), по которому камендант Шлиппенбах со своим гарнизоном выпущен... Правда, что зело жесток сей орех был, аднако, слава Богу, счастливо разгрызен. Алтиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

Двадцать седьмого августа 1702 года отряд казаков под командой полковника Ивана Тырнова на тридцати лодках совершил удачное нападение на Ладожскую флотилию шведского вице-адмирала Нуммерса, стоявшую у Кексгольма. Потеряв пять судов из шести и 300 человек, шведы уже не могли прикрывать Ингрию со стороны водных пространств Ладоги. Словом, русское наступление в районе Невы было тщательно подготовлено. Как писал военный историк конца XIX века П. О. Бобровский, «ни один шаг Петра I на сухом пути не был рискованным, был обдуман заранее».

Двадцать седьмого сентября 1702 года сосредоточенная заранее в начале сентября в районе Старой Ладоги русская армия (35 тыс. человек) появилась под стенами Нотебурга, и вскоре осадная артиллерия начала обстрел крепости. Группировка шведского генерала Крониорта, находившаяся на правом берегу Невы и прикрывавшая Выборг, пыталась воспрепятствовать движению русских, но была ими легко отброшена.

Фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын.

Действующие лица

Фельдмаршал Михаил Голицын

Потомок древнего рода Гедиминовичей, сын боярина, он начал службу барабанищиком. Современники в один голос говорили о нем: «Муж великой доблести и отваги беззаветной – мужество свое он доказал многими подвигами против шведов». Особенно запомнился всем поступок Голицына 12 октября 1702 года, отчасти уже описанный выше. Тогда во главе итурмового отряда он высадился под стенами Нотебурга. Когда первые атаки стены захлебнулась кровью, царь Петр приказал Голицыну отступить. Но от него, согласно легенде, пришел дерзкий ответ: «Я не принадлежу тебе, государь, теперь я принадлежу одному Богу». Потом на глазах царя и всей армии военачальник приказал оттолкнуть от берега пустые лодки, на которых приплыл его отряд. Подвиг красивый, поистине античный, в духе спартанцев или римлян!

Да и потом Голицын блистал мужеством, никогда не отсиживаясь за спинами своих солдат. Он имел обыкновение, как пишет современник, «идя навстречу неприятелю, держать во рту трубку, не обращая внимания на летящие пули и направленное на него холодное оружие». Михаил Михайлович отличился в сражении под Полтавой, а в 1714 году стал героем завоевания Финляндии, добился там нескольких важных побед над шведами. Голицын

принадлежал к особому типу генералов русской армии, которых все любили: и солдаты, и офицеры, и начальство. Невысокий, коренастый, с темным от загара лицом, ясными голубыми глазами и породистым носом, он был у всех на виду. Его любили не только за отвагу, но и за «природный добрый ум, приветливое обращение с подчиненными», приятные, скромные манеры, что, как известно, среди генералов – достоинство редкое. Да и сам Петр I высоко ценил Голицына. Какой же государь не любит полководца, из ставки которого никогда не улетает богиня Победы! Он называл Голицына так: «Прямой сын Отечества».

Как и многие выдающиеся полководцы, князь Михайло Голицын был наивен и неопытен в политических делах и во всем слушался старшего брата – хитроумного Дмитрия Михайловича. Говорят, что израненный в боях фельдмаршал не смел даже сидеть в присутствии старшего брата – так он его почитал... Близость к Дмитрию и сгубила Михаила. После прихода к власти императрицы Анны Иоанновны в начале 1730 года и роспуска Верховного тайного совета, который возглавлял Дмитрий, фельдмаршал был изгнан из армии и в конце 1730 года умер; я думаю, от тоски – ведь старый орел в клетке долго не живет.

Нотебург – Орешек, крепость на Ореховом острове, у самого истока Невы из Ладожского озера, была построена в 1323 году московским князем Юрием Даниловичем. По Столбовскому миру 1617 года она отошла к шведам и стала называться Нотебургом. Значение ее в обороне всего Приневского района было огромно. Взять же эту островную, хорошо укрепленную крепость с высокими стенами было нелегко. С самого начала русское командование прибегло к мощному и длительному обстрелу островных укреплений крупнокалиберными осадными орудиями – всего по крепости было выпущено около 3000 бомб и ядер. Это вызвало многочисленные пожары и разрушения в крепости, в ее стенах образовались проломы. Одиннадцатого октября после интенсивного обстрела царь послал на лодках штурмовые группы, однако шведский гарнизон, насчитывавший всего 500 человек, мужественно встретил противника и не позволил русским с ходу преодолеть стены. Шведы стойко сопротивлялись 13 часов.

Противники оказались достойными друг друга. Среди штурмующих особо отличился своим мужеством подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын. Но и повторный приступ стен крепости оказался неудачным. Позже прапорщик Кудрявцев и 22 солдата были повешены за то, что «с приступа побежали». Вскоре подоспела помощь во главе с бомбардир-поручиком, будущим светлейшим князем А. Д. Меншиковым. Войска пошли на новый, третий по счету приступ, однако их вновь ждала неудача... Но в конце концов шведы выбросили белый флаг.

Всегда высоко ценивший воинскую доблесть, Петр I разрешил шведскому гарнизону выйти из крепости, как сказано в «Журнале» Петра Великого, «с распущенными знаменами, барабанным боем и пулями во рту (столько военных припасов по обычаю того времени разрешалось выносить сдавшимся по договору. – Е. А.), с четырьмя железными пушками». Шведы, сев на суда, ушли вниз по Неве, в Ниеншанц. Царь же приказал тотчас начать восстановительные работы в завоеванной крепости, ввел на остров двухтысячный гарнизон, а также переименовал крепость в Шлиссельбург (в переводе с немецкого – «Ключ-город»). Как человек XVIII столетия Петр I, склонный к аллегориям, выбрал такое название не случайно. Взятая крепость была действительно ключевым пунктом в обороне Ингрии.

Основание Петербурга

Петр I, отпраздновав взятие Нотебурга, не решился идти вниз по Неве и отложил поход до весны 1703 года. В ту зиму отряды Меншикова, как сообщала первая русская газета «Ведомости», напали на мызы и деревни в окрестностях Кексгольма и там захватили «простых шведов мужеска полу и женска 2000» человек. Уже с середины марта 1703 года Петр I был в Шлиссельбурге и спешно готовился к будущему походу. Он боялся упустить время, не хотел, чтобы шведы перехватили у него инициативу. Шестого апреля он писал Шереметеву, что ждет его с полками и что «здесь, за помощью Божиею, все готово и больше не могу писать, только что время, время, время, и чтоб не дать предварить неприятелю нас, о чем тужить будем после».

Армия Б. П. Шереметева от Шлиссельбурга двинулась 23 апреля вниз по Неве, по ее правому берегу, и вскоре подошла к Ниеншанцу (по-русски – Канцы/Шанцы). Комендант крепости Йохан (Иоганн) Аполлов прекрасно понимал, что силы сторон не равны и заранее запросил из Выборга помощи. В октябре 1702 года он со своим гарнизоном в 800 человек изготовился к обороне: подготовил все 49 пушек цитадели. А 20 октября приказал очистить предполье – велел поджечь городские постройки за стенами крепости, а также казенные склады на берегу Охты. Но русские той осенью не пришли...

Заглянем в источник

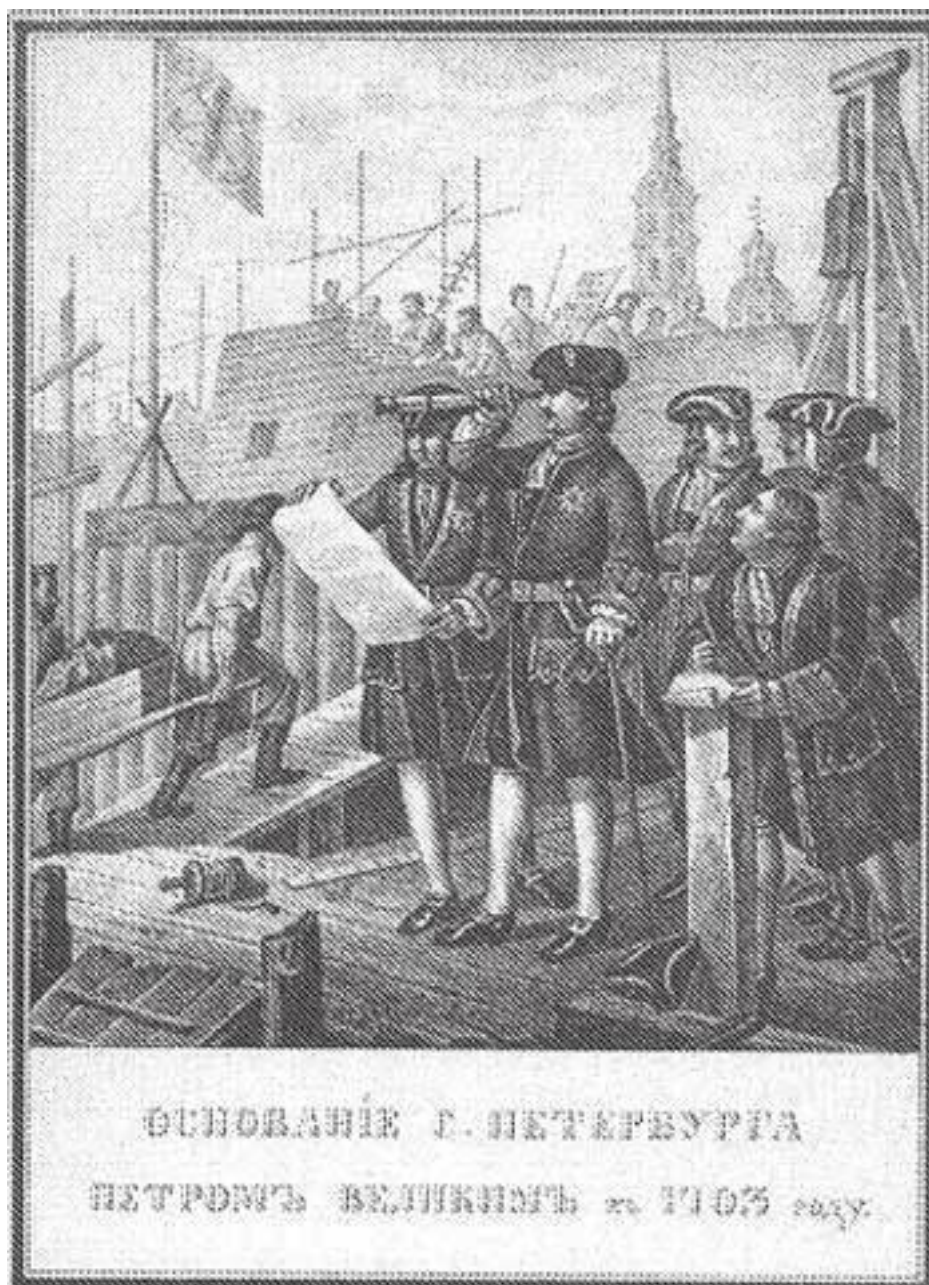
Девятого апреля 1703 года полковник Аполлов, предвидя новое наступление русских, писал королю:

«Как только лед сойдет с Невы, противник, вероятно, придет сюда со своими лодками, которых у него имеется огромное количество, обойдет крепость Шанцы и встанет на острове Койвусаари (Березовый остров), откуда у него будет возможность препятствовать всему движению по Неве».

Но помощь из Швеции так и не пришла. Двадцать шестого апреля Аполлов уже доносил о действиях подошедшего к крепости противника:

«Около трех часов он штурмовал бастионы Пая и Сауна. После двухчасового сражения атаку русских отбили... В моем распоряжении 700 здоровых мужчин. Командира полка нет, я сам настолько устал, что меня должны сажать в седло, чтобы я мог проверять построения обороны. Я вижу сейчас, что они идут вдоль берега с развевающимися белыми флагами».

Читая это сообщение, нужно воздать должное мужеству коменданта, не опустившего руки перед численным преимуществом противника.

Чтение указа об основании Санкт-Петербурга.

Крепость с ходу взять не удалось, и солдаты Шереметева начали готовиться к осаде – стали рыть апроши и устанавливать батареи. Двадцать восьмого апреля Петр I во главе флотилии лодок с гвардейцами проследовал вниз по Неве мимо Ниеншанца, с бастионов которого тщетно пытались помешать этому выстрелами. Итак, в самом конце апреля 1703 года Петр в первый раз оказался в тех местах, с которыми впоследствии навсегда связал свою жизнь. Плавание вниз по Неве имело отчетливо разведывательный, рекогносцировочный характер. Русское командование опасалось, как бы флотилия адмирала Нуммерса, базировавшаяся в Выборге, не подошла на помощь осажденному гарнизону Ниеншанца. Поэтому Петр хотел знать о силах и расположении шведских кораблей. Тридцатого апреля русскими была предпринята попытка нового штурма, но гарнизон вновь отбил атаку. Нужно согласиться с теми историками, которые считают, что взятие Ниеншанца было достаточно кровопролитным с обеих сторон.

Но было ясно, что крепость все равно обречена. Поэтому исполнивший свой долг комендант Аполлов, уступая превосходящим силам противника (особенно после продолжительного 14-часового обстрела и взрыва порохового погреба в крепости), согласился на почетную сдачу. Это произошло 1 мая 1703 года. Согласно условиям капитуляции, Аполлов на следующий день, 2 мая, поднес на серебряном блюде городские ключи фельдмаршалу Шереметеву и под барабанный бой вместе с гарнизоном, семьями солдат и офицеров, а также сидевшими в осаде горожанами навсегда покинул крепость.

Войска Петра вступили в Ниеншанц, там был устроен праздничный молебен. Город был тотчас переименован в Шлотбург. Есть основания считать, что между новым именем стоявшего у истоков Невы Шлиссельбурга (Ключ-город) и названием переименованного после взятия из Ниеншанца в Шлотбург (по-голландски – «Замок-город») существует устойчивая аллегорическая связь (ключ – замок). Впрочем, скорее всего слово «замок» читалось с ударением на первом слоге. Как бы то ни было, русское господство над Невой разбивало целостность шведской обороны всей Восточной Прибалтики. Шведские войска в Карелии оказывались отрезанными от шведских войск в Эстляндии. Словом, как потом сказал поэт, «Россия твердой ногой встала у моря», и сразу же Петр решил строить здесь город.

Санкт-Петербург – один из немногих городов, который имеет точную дату основания – 16 мая 1703 года. Мы же знаем не только эту памятную дату, но и «ночь зачатия» – той же ночью 2 мая 1703 года состоялся знаменитый военный совет, решивший судьбу Петербурга.

Петербург был основан в результате продуманного замысла Петра I и многих окружавших его людей. В конце апреля 1703 года царь, отыскивая место для будущей крепости, тщательнейшим образом осматривал побережье Невы. Он исследовал территорию не один, а в сопровождении различных специалистов. Основание крепостей в то время требовало рекогносцировки на местности, анализа чертежей, промеров глубин, обсуждения многих технических вопросов с фортификаторами, артиллеристами и моряками. Феофан Прокопович писал в своей «Истории императора Петра Великого», что царь, «сед на суда водныя, от фортеции Канцов по реке Невы береги и острова ея даже до морского устья прилежно разсуждати (исследовать. – Е. А.) начал, не без совета и прочих в деле том искусных (людей)». Нам известно, что в свите Петра в то время были два специалиста-фортификатора: французский генерал-инженер Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн и немецкий инженер В. А. Киршеншейн. Первый делал чертежи восстанавливаемой после штурма 1702 года крепости Нотебург-Шлиссельбург, рукой же второго сделаны два первых плана крепости на приневском островке. До самой своей смерти в 1705 году Киршеншейн руководил строительством Петропавловской крепости. Велика роль и Ламбера – продолжателя школы великого французского инженера Вобана. Неслучайно, что осенью 1703 года Ламбер получил в награду орден Андрея Первозванного. Петр I никогда не был щедр на награждение высшим и единственным орденом России той эпохи. Возможно, так он особо отметил заслуги генерал-инженера при основании крепости на острове. Кроме того, после Азовских походов 1695—1696 годов царь и сам приобрел большой опыт в фортификации. Ведь тогда ему пришлось долго выбирать место для основания Таганрога, а также крепости Святой Петр в устье Дона. Неслучайно один из рабочих чертежей крепости на Заячьем острове сделан, как предполагают историки, рукою царя.

В ночь с 6 на 7 мая произошло еще одно памятное событие. Тридцать лодок с гвардейцами под командой Петра I и Меншикова напали на стоявшие в устье Невы шведские суда – шняву и бот – и взяли их на абордаж. В быстротечной рукопашной схватке участвовал не только Меншиков, но и сам русский самодержец. За этот подвиг государь был награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

Заглянем в источник

Важнейший момент истории великого города отражен в выписке из «Журнала, или Поденной записки Петра Великого», куда вносились самые важные исторические события времен Северной войны:

«По взятии Канец отправлен военный совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры (т. е. неудобно для обороны по природным данным. – Е. А.), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место – остров, который назывался Люст-Элант (т. е. Веселый остров. – Е. А.), где в 16 день мая (в неделю Пятидесятницы. – Е. А.) крепость заложена и именована Санктпетербург, где оставлена часть войска...».

Орден Святого Апостола Андрея Первозванного

Это был первый из российских орденов. Его учредил Петр Великий 10 марта 1699 года. Святой Андрей почитался покровителем России. Считалось, что он освятил те места, на которых потом возникли Киев и Великий Новгород. По преданию, его казнили римляне, распяв на косом кресте. Именно такой, косой (Андреевский) крест с фигуркой распятого святого и стал основой ордена. Кроме креста, знаками ордена считалась серебряная звезда и голубая лента через правое плечо. Первым кавалером его стал генерал-адмирал Ф. А. Головин. Всего при Петре I награду получили 38 человек. Сам царь стал шестым его кавалером в мае 1703 года. Орден был отменен после падения самодержавия в 1917 году, но с гибелью СССР и возрождением России он вновь стал высшей правительственной наградой. И первым орденосцем восстановленного ордена стал академик Д. С. Лихачев.

Возведение островной крепости

Остров Люст-Эланд, на котором была построена крепость, или, как тогда говорили, «город», имел и финское название: Енисаари, то есть Заячий остров. Финские названия речек, деревень, мест и урочищ были вообще характерными для устья Невы – с давних пор здесь селились финны и ингерманландцы. Позже здесь появились русские, ижорские и водские крестьяне. Строительство началось сразу в нескольких местах болотистой и лесистой долины Невы. На Заячьем острове поспешно возводилась сначала земляная, а с 1710 года – каменная крепость, строился Петропавловский собор. На соседнем обширном Березовом острове (Кой-висаари), получившем позже название Городской, или Петербургский, остров, началось строительство собственно города. Для Петра был построен маленький деревянный дом, который сохранился до сих пор.

За пределами крепости была возведена Троицкая церковь, возле нее создана одноименная площадь – место официальных торжеств, построены канцелярии, торговые ряды, пристань, порт. На оконечности (стрелке) Васильевского острова была сооружена батарея, на материковой части, то есть на левом берегу Невы, развернулось строительство Адмиралтейства, задуманного одновременно и как верфь, и как крепость.

Легенды и слухи

Игры предков с датами и названиями

Всякое большое событие бывает окружено немалым числом легенд. Так, до выхода в свет в 1885 году фундаментальной книги П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга...» ни у кого не было сомнений в том, что 16 мая 1703 года на Заячьем острове был основан город, который тогда

же и получил свое имя – Санкт-Петербург. Вывод этот вытекал из сообщений многих источников, в том числе и упомянутого выше «Журнала, или Поденной записки Петра Великого», где сказано: «...крепость заложена и именована Санктпетербург». Примерно так же пишет в «Истории Петра Великого» Феофан Прокопович: «Когда же заключен был совет быть фортеции на помянутом островку и нарицати ея оной именем Петра Апостола Санктпетбург». В анонимном сочинении «О зачатии и здании... Санкт-Петербурга» подробно описана легендарная история о том, как Петр 16 мая 1703 года установил на месте основания города золотой ковчег с мощами Андрея Первозванного, на крышке которого якобы было вырезано: «...основан царственный град Санктпетербург». В конце этой церемонии Петр будто бы сказал: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Основан град Санктпетербург».

Историк П. Н. Петров усомнился в том, что город при основании был назван Санкт-Петербургом. Он вообще заявил, что город основан не 16 мая, а **29 июня**, и именно с этого дня нужно вести отсчет его истории. Ученый сделал столь неожиданный для многих вывод потому, что в исторических документах до 29 июня 1703 года, до Петрова дня (т. е. дня Святых апостолов Петра и Павла, который был также днем тезоименитства (именин) государя Петра I) название «Санкт-Петербург» не упоминается вовсе. И только с Петрова дня, когда митрополит Новгородский Иов освятил деревянную церковь на Заячьем острове во имя Святых апостолов Петра и Павла, в документах появляется название – «**Санкт-Петербург**».

Мнение Петрова было сразу же оспорено коллегами, заявившими, что следует разделять два события – **день закладки** крепости на Заячьем острове (16 мая) и **день наименования** крепости (29 июня) – точно так же, как разделяют день рождения ребенка и его крестины. Однако при этом все попытки опровергнуть утверждение Петрова о том, что полтора месяца крепость оставалась безымянной, ни к чему не привели. Обнаружилось, что еще 28 июня 1703 года

Петр I пометил одно из своих писем словами «В новозастроенной крепости» без упоминания ее названия. И только 30 июня на письме, полученном царем от Т. Н. Стрешнева, проставлена помета «Принята с почты в Санкт-Петербурхе». Первого июля 1703 года уже сам царь писал «Из Санкт-Питербурха», а в его письме от 7 июля мы читаем: «Из новой крепости Питербурга». Словом, точно известно, что название города появились через полтора месяца после основания крепости. Историк Н. В. Голицын, пытаясь найти аргументы против точки зрения Петрова, подтвердил его вывод, ибо наткнулся на письмо ближнего стольника, будущего канцлера Г. И. Головкина, датированное 16 июля 1703 года, в котором он сообщал своему адресату: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день Петрополь и уже онаго едва не с половину соорили». На письме помета: «Из Петрополя». Нельзя не заметить, что в приведенных документах город называется по-разному. Это характерно для начального периода его истории. Привычное нам имя – **санкт-Петербург** – привилось не сразу. В документах петровской поры он называется и Петрополем, и Питерполем, и S. Петрополисом. И вообще, как только не называли город, получивший впоследствии свое классическое название **санкт-Петербург**. По письмам Петра I видно, что сам царь чаще всего называл город **санкт-Питербурх**

, останавливаясь на голландском написании и произношении имени Петр как Питер (кстати, отсюда и бытующее до сего дня это сокращенное название города). В петровские времена особенно не задумывались о написании топонимов. Только что появившийся Шлотбург писался и как Шлотбурх, и как Шлотбург. Но более всего коверкали название Шлиссельбурга. Ну никак русский язык не справлялся с этим словом: Шлюсенбург, Шлютельбурх, Шлютенбурх, Слюселбурх, Слишелбурх, что в конце концов привело к упрощенному и не очень приличному Шлюшину. Непреодолимым для языка русского человека оказалось и название Ораниенбаума – его можно узнать в Рамбове, Рамбоне, Ранибоне, Ранимбоне, Аранимбоне. Сам Петр, как известно, и вовсе не ломал голову над подобными вопросами и часто писал так, как слышал: «Ингермоландия» и т. д. То же самое можно сказать и о названии Петербурга. При этом не совсем ясно, когда на смену голландскому написанию названия Санкт-Питербурх (а также Питергоф) пришло немецкое написание Санкт-Петербург (а также Петергоф).

Крепости на Заячьем острове было недостаточно для обороны устья Невы. Шведские корабли маячили все лето 1703 года на взморье и не давали малочисленным русским кораблям и лодкам даже выйти в море. Как только корабли шведов ушли на зимовку в Выборг, Петр, сев на яхту, осмотрел остров Риту саари (Котлин), промерил в проходящем рядом фарватере глубины и «положил там, в море, делать крепость». За зиму 1703—1704 годов по модели, построенной самим Петром, архитектор Доменико Трезини построил необычайное сооружение. На льду пролива, отделявшего Котлин от материка, в том самом месте, где находилась мель, из бревен были сбиты гигантские ящики, которые заполнили валунами. Под их тяжестью ящики опустились на мель. На этом фундаменте построили трехэтажную деревянную башню с 14 орудиями.

В это время напротив форта на берегу Котлина возвели батареи. Они позволяли вести перекрестный огонь по каждому кораблю, пытавшемуся войти в фарватер в направлении к устью Невы. Строили очень быстро, пока не успел растаять лед и вновь не пришла шведская эскадра. Затея Петра удалась. Уже 7 мая 1704 года Новгородский митрополит Иов освятил форт и, как отмечено в «Журнале» Петра: «Тогда наречена оная крепость Кроншлот, сиречь коронный замок и торжество в ней было трехдневное». С 1720 года крепость стала называться Кронштадт.

Так навсегда был закрыт проход к Петербургу вражеским кораблям, на устье Невы был «повешен» крепкий замок. Все попытки шведов в последующие годы «сбить» его, изгнать русских с берегов Невы заканчивались неудачей. Под надежной защитой Кроншлота город начал быстро расти. Сам же Кронштадт стал и главной базой военно-морского флота России. Здесь были построены необходимые для флота склады, шлюзы, заводы, поселения моряков.

Заметки на полях

Петру было всего 30 лет, когда весной 1703 года он впервые приехал на берега Невы. По тем временам он был не так уж молод, но главное – успел очень многое повидать. За его спиной была война с турками, долгие скитания по Европе и России, плавание в штормовом море, пыточные подвалы Преображенского приказа, годы напряженного труда и почти непрерывных кутежей. Словом, казалось, что его нельзя уже ничем удивить или поразить. Но, сойдя в тот памятный майский день с лодки на топкий берег будущей Петроградской стороны, он пришел в восхищение и тотчас приказал рубить на поляне сосновый дом, который вырос за три дня. Так, неожиданно-негаданно для себя, окружающих и всей России, царь Петр вдруг обрел здесь милую родину, навсегда привязался к этому месту, заложил здесь город, столицу империи. Иным трудно понять, почему царь с такой необыкновенной нежностью относился к этому поначалу неказистому поселению на широкой

пустынной реке, почему, вопреки реальности, он называл в своих письмах этот городок на французский манер «парадизом» и был готов отдать упрямо шведскому королю Карлу XII Псков, чуть ли не пол-России за бесплодный клочок земли в устье Невы?

Конечно, все знают, что России тогда нужен был выход к морю, гавань на Балтике. Нужно было наконец восстановить справедливость и вернуть Ижорские земли (как тогда говорили, «старинную потерьку наши отчины и дедины»). Все так! Но здравый смысл все-таки должен был подсказать Петру, что цена этому клочку слишком велика. И потом: зачем же столицу – сердце страны – переносить на опасный пограничный рубеж, да еще на берег Невы – этого до поры спящего водяного Везувия? Но что значит здравый смысл, когда поступки человека диктует любовь!

Именно любовь сыграла огромную роль в рождении нашего города. Поразительно быстро Петр обосновался здесь и прикипел к своему «Петербургу-городку». Это понятно – раньше у него не было своего дома, той малой родины, без которой ветер жизни носит человека как перекачиполе. За этой странной неприкаянностью повелителя-самодержца стояла печальная история его детства и юности – годы страха и ненависти к «старине», страха за свое политическое будущее и за свою жизнь. Он не любил запутанных московских улочек и проулков. Не раз царю доносили, что уже точат на него острые ножи, а ведь он ездил по вечерам и без охраны. В Москве ему нельзя было развернуться, там все дышало ненавистной стариной, все начинания тонули в московской грязи, безалаберичине и лени, все решения переносили на завтра, после праздников, «на потом». Да и личная жизнь царя не задалась: не было счастья с Евдокией, неудачен оказался роман с Анной Монс. – А между тем грозный царь Петр нуждался, как и все люди, в семейном тепле и покое. Нет, Москва не была родиной его души, уютным, родным домом! Он рвался из нее прочь при первой возможности.

Здесь же, на берегах Невы, на новом месте, не омраченном памятью прошлого, все пошло у Петра как нельзя лучше. Были одержаны первые победы над шведами, наладилась и семейная жизнь. Разве он мог подумать, что не пройдет и семи лет после основания города, а он будет плыть по морю на шняве «Лизетка», названной в честь дочери, и слать приветы своему большому семейству, жене Катеринушке, «другу сердешному»! В дальних походах он будет мечтать о том часе, когда вернется в свой парадиз и обнимет любимых детей. Да и город он строил как хотел, как мечтал, по-своему, без оглядки на «бородачей». Словом, здесь ему был простор и воля, хотя... только ему одному...

При строительстве Петербурга Петр ставил перед собой сразу несколько задач. Петербург должен был стать не только мощной крепостью на отвоеванной у шведов земле, но и городом-портом, куда будут приходить корабли со всего мира.

Весьма символично, что осенью 1703 года первый торговый корабль, плывший в шведский Ниеншанц, а попавший в русский Петербург, оказался, к радости Петра, голландским. Однако голландский корабль прошел в Неву случайно. Шведский флот полностью господствовал на Балтике и практически до конца войны в 1721 году шведские каперы представляли угрозу для коммерческого мореплавания в русские порты. Поэтому России нужно было срочно строить военно-морской флот для защиты морских путей в Петербург. Без кораблей тяжело было проводить и сухопутные операции армии. Пример Англии показывал, что морское могущество очень многое решает в мировой политике.

Петр, уже имевший опыт строительства кораблей, сразу же развернул работу по созданию флота на Балтике. Корабль той поры был сложным сооружением. Чтобы его построить, обслуживать и использовать, нужно было много различных специалистов, начиная со знатоков корабельного леса и кончая лоцманом, который мог вывести судно из гавани. Для флота нужны были верфи и цейхгаузы, склады и казармы, пристани и каналы, фабрики и мастерские, школы и академии для подготовки моряков. Времени же было крайне мало. Но Петр был хорошим организатором, он умел подобрать к каждому делу толковых людей, которые работали день и ночь. Самым же неутомимым и самоотверженным работником был царь. Его можно было видеть в Петербурге повсюду: на верфи, стройках, на плацу, в цейхгаузе.

Как уже было сказано выше, первая верфь была основана на реке Сясь в 1702 году, на следующий год была построена Олонецкая верфь, в 1705 году заработала самая большая – Адмиралтейская верфь в самом Петербурге. За двадцать первых лет ее работы со стапелей спустили 268 судов, в том числе 33 линейных корабля. Петр так спешил, что корабли спускали даже зимой: для этого в невском льду, прямо перед Адмиралтейством, вырубали огромную полынью, куда и сходили «детки» – произведение мастера (или по-голландски «баса») Питера. И хотя «детки» строились из сырого, непросушенного леса и поэтому быстро гнили, цель была достигнута – за первые 10—15 лет был создан флот, который постепенно вытеснил с Балтики шведов. Балтийские народы скоро привыкли к бело-голубому Андреевскому флагу.

Стремясь ускорить создание собственного флота, Петр распорядился принимать на службу иностранных моряков и платить им за это большие деньги. Кроме того, он приказывал покупать на английских и голландских верфях строившиеся или уже готовые корабли и приводить их в Россию. Петр учел, что военные действия в шхерах Финляндии будут трудны из-за обилия мелей, скал, узких протоков и островов. И поэтому он, параллельно с корабельным флотом, начал строительство галер, для чего пригласил из городов Адриатики галерных мастеров. В Петербурге была основана обширная Галерная верфь, и вскоре у русского царя появился огромный флот гребных судов, позволявший воевать в неудобных для крупных кораблей местах финского побережья и перебрасывать на дальние расстояния войска, грузы и лошадей.

Перестройка сухопутной армии

Поражение под Нарвой 1700 года было воспринято Петром I как жестокий урок. Он не обвинял в разгроме генералов и солдат, себя или окружающих. Из поражения Петр сделал главный вывод – армии необходима реформа. А строить армию нужно на новых принципах регулярности. После Нарвы Петр изменил принципы стратегии и тактики армии, основы ее формирования и службы. Главной целью военных действий при Петре становится не взятие крепостей, а поражение противника в полевом сражении. При этом Петр требовал внимания и осторожности, умения опередить неприятеля, добиться превосходства в силах на решающем направлении и в нужное время. Он учил действовать согласованно пехоту и кавалерию, причем в русской армии была введена кавалерия драгунского типа, то есть всадники были обучены пешему строю и могли воевать в строю как пехотинцы.

Любимым родом войск Петра I оставалась артиллерия. После Нарвы, где русские потеряли всю артиллерию, пришлось заново отливать пушки, для чего даже сняли с церкви часть колоколов. Хотя сама акция не имела губительных последствий для колокольного звона на Руси, впечатление от нее в обществе было сильным. Новая петровская артиллерия стала одной из самых мощных и передовых в Европе. Петр не жалел ни денег, ни пороха для ее улучшения. Она была разделена на три основных вида: полковую, полевую и осадную артиллерию, хорошо укомплектована и на учебных стрельбах и в боях оттачивала свое мастерство. Особенно сильна была полевая артиллерия, насчитывавшая более ста орудий с опытной прислугой, сильными

лошадьми. Не раз и не два в ходе Северной войны действия русской артиллерии влияли на победоносный для русских войск исход сражений.

Стратегия и тактика, взятые Петром на вооружение армии, требовали иной подготовки войск к боевым действиям. На смену прежним смотрам раз-два в год и редким учениям пришла постоянная подготовка, которая не кончалась с превращением молодого новобранца в «правильного» солдата. Действия каждого солдата доводились до автоматизма с помощью каждодневных учений, стрельб и строевых занятий. Так было принято в европейских армиях. Это обеспечивало мобильность ротам и полкам, облегчало управление огромными массами войск на поле боя, среди огня и смерти. Петр хотел, чтобы солдаты и офицеры его армии были дисциплинированными и, одновременно, самостоятельными и инициативными. Следуя идеям шведского полководца и короля Густава II Адольфа, он стремился отойти от примитивной жестокости в обращении с солдатами, не хотел превращать солдата в шагающую машину, ставил цель воспитать в нем послушного подданного, честного и порядочного человека.

Заглянем в источник

В Предисловии к «Уставу воинскому» – главному документу русской армии, написанному в 1716 году, Петр выразил главную идею, которую последовательно проводил в жизнь: порядок, предсказуемость, «регулярство» – основа основ жизни армии, да и общества вообще. А итог следования этому – победа – очевиден:

«Когда войско распорядили, то какие великие прогрессы, с помощью Вышняго, учинили над каким славным и регулярным народом (шведами. – Е. А.). И тако, всяк может рассудить, что не от чего иного то последовало, токмо от доброго порядку, ибо всебеспорядочный варварский обычай смеху есть достойный и никакого добра из онаго ожидать (не)возможно. Того ради, будучи в сем деле самовидцы обоим (т. е. «регулярству» и «всебеспорядочному обычаю». – Е. А.), за благо изобрели сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность и обязан был своим знанием, и неведением не отговаривался».

Пришлось изменить и систему комплектования и обеспечения армии. Если раньше в армии служилые люди «по отчеству» и «по прибору» служили с земли, то есть получали за службу землю с крестьянами, то теперь с этим было покончено. Вводилось единое денежное жалованье, солдат набирали из рекрутов, а в офицеры производили дворян и разночинцев, обученных в гвардейских полках. Рекрутская система возникла в 1705 году. До и после Нарвы 1700 года Петр восполнял недостаток людей в регулярных полках так называемой «вольницей», то есть добровольцами из разных слоев общества, причем холопам, пришедшим в армию, предоставлялась свобода от власти помещика. Однако к 1705 году, когда началось создание большой армии, такого источника стало недостаточно. Тогда-то и обратились к набору рекрутов – новобранцев прямо из крестьян. Было решено, что один рекрут берется со ста дворов. Но эта пропорция менялась – могли брать и с 200, и с 75, и даже с 20 дворов и т. д.

Рекрутчина – так называли в народе эту повинность – была тяжела для крестьян. Она отрывала от дома и поля сильных работников. Крестьянские матери оплакивали уходивших в рекруты сыновей, как покойников. Ведь они уже никогда не возвращались домой, так как служба в армии в то время была не только пожизненной, но и очень суровой. Чтобы не давать рекрутам возможности разбежаться, их заковывали в колодки, как преступников, держали месяцами на «станциях», больше похожих на тюрьмы. Все крестьяне каждой местности несли общую ответственность за выставленного ими рекрута, и если он бежал со службы, они были обязаны поставить другого новобранца.

В армии была введена суровая дисциплина – малейшее ее нарушение строго наказывалось. Устав воинский предполагал применять к провинившимся и преступникам жестокие наказания, в том числе такие, как четвертование, посажение на кол и другие. Чтобы предупредить побег рекрутов, указом 1712 года предписывалось «значить – на левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом». Эти знаки – наколки на руке – наводили ужас и назывались в народе «печатью антихриста».

Несмотря на серьезные недостатки рекрутской системы, она более 150 лет обеспечивала русскую армию этнически и социально однородным личным составом, что, в сочетании с принципами регулярности и дисциплины, обеспечивало ее боеспособность. В этом смысле русская армия копировала русское общество той поры – офицерами были дворяне, в основном помещики, а солдатами – крестьяне, в основном крепостные.

Реформа местного управления. Создание Сената

Нарвское поражение показало Петру, что изменить нужно не только армию, но и весь государственный аппарат, ведь армия – это лишь часть государства. Поначалу в системе управления не происходило важных перемен. Центральные государственные учреждения – приказы и канцелярии – собирали налоги, обеспечивали армию всем необходимым: оружием, одеждой, припасами, людьми. Но уже в первые годы Северной войны стало ясно, что все эти учреждения с большим трудом справляются с теми проблемами, которые были порождены неудачным началом войны, созданием регулярной армии. Из полков в центр непрерывным потоком шли жалобы на нехватку денег, оружия, рекрутов, провианта. Причину видели в невозможности получать все необходимое армии из подчиненных приказам уездов. Уезд как единственная административная единица допетровской России, во главе которой стоял воевода, устарел. По своим размерам уезды были огромны – даже больше современных областей. Управляло же ими очень малое число чиновников, которые не справлялись со сбором и пересылкой в армию людей, материалов, денег, провианта.

И тогда в 1707—1710 годах была проведена Первая губернская реформа. Суть ее заключена в новом территориальном делении страны на более крупные единицы – губернии, которые охватывали территории сразу нескольких старых уездов. Во главе губерний были поставлены губернаторы, наделенные большой властью. В 1712—1715 годах произошло усложнение губернской системы: губернии были разделены на провинции во главе с обер-комендантами.

Так, на смену прежней «двухчленке» управления (приказ – уезд), пришла «четырёхчленка» (приказ, то есть канцелярия – губерния – провинция – уезд). Соответственно увеличению числа учреждений выросло и количество чиновников. Теперь важнейшими помощниками губернатора становились обер-комендант (военные дела), обер-комиссар (сборы налогов с населения) и ландрихт (судья). Обер-коменданту в провинции подчинялись коменданты. Эта реформа привела к резкому усилению власти на местах за счет полномочий центральных учреждений, то есть произошла децентрализация управления. Делалось это Петром сознательно, с желанием улучшить обеспечение армии, навести порядок со сбором на местах налогов. Было решено, сколько должна каждая из губерний (в зависимости от числа дворов) посылать денег для армии, флота, артиллерии и дипломатии – главных статей государственных расходов. Чтобы избежать неминуемой потери денег при пересылке и волокиты, между губерниями и армией была установлена непосредственная связь. Армейские полки стали называть по губерниям, откуда они получали довольствие и рекрутов: Нижегородский драгунский, Смоленский пехотный и т. д. При каждом полку находился кригс-комиссар от «своей» губернии. Он следил за исправностью и комплектом обмундирования, припасов, принимал рекрутов из губернии, выдавал офицерам и солдатам жалованье из присланных с мест денег. За деятельностью

губернских кригс-комиссаров наблюдал начальник специальной Кригс-комиссариатской конторы, которая действовала при Сенате.

Заглянем в источник

Впервые в России государственное учреждение получило инструкцию – указ о круге его дел и компетенций. Сенат был обязан: «1. Суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, тож и ябедником да последует. 2. Смотреть во всем государстве расходов и ненужные, а особливо напрасные, отставить. 3. Денег, как возможно, збирать, понеже деньги суть артериею войны...».

Новую систему ведения делопроизводства Петр вводил задолго до 1711 года. Первым из русских царей он стал собственноручно подписывать указы, причем часто латинскими буквами в голландском варианте: «Peter». Один из его указов за 1707 год до сих пор широко известен благодаря своей оригинальности. При этом, как только его не перевирают в публицистике, порой наделяя его прямо противоположным смыслом! А он прост и выразителен. Петр требовал, чтобы участники Консилии министров все свои решения

«...своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим (т. е. подписью. – Е. А.) всякого дурость явлена будет». Иначе говоря, подписывая указ, внимательно смотри, что подписываешь, за что берешь ответственность.

Иначе опростоволосишься и будешь выглядеть в глазах других дураком.

Реформа местного управления и создание системы кригс-комиссариатов были тесно связаны с реформой высших органов власти – организацией Правительствующего Сената и подведомственных ему учреждений. Это произошло в марте 1711 года. Ранее высшим совещательным органом была существовавшая с древних времен Боярская дума. Петр I не доверял боярам, многие из которых были раньше сторонниками Софьи. Заседания Боярской думы при нем стали проводиться все реже и реже, пока в 1704 году они не прекратились совсем. С тех пор о заседаниях Думы в источниках нет никаких упоминаний.

На смену Думе пришло временное учреждение – «Консилия министров» – совет руководителей важнейших приказов и канцелярий, который заседал в помещении Ближней канцелярии – финансово-контрольного учреждения. А в 1711 году Консилию министров сменил Правительствующий Сенат. Формальным поводом для создания Сената стал предстоящий отъезд Петра на войну с Турцией. Однако уже из первых указов о Сенате видно, что это учреждение создавалось не на какое-то короткое время, а надолго, и люди, назначенные членами Сената – сенаторами, находились не на временной, а на постоянной работе. Указом 5 марта 1711 года в русское управление вводилось новшество – коллегиальность, то есть сенаторы решали дела с помощью голосования, причем каждый из членов Сената имел при голосовании только один голос. Тогда же приказные, назначенные в Канцелярию Сената, получили указ о новом ведении бумаг и оформлении канцелярских дел. Каждый сенатор должен был подписывать протоколы Сената с решениями по делам. Эту процедуру Петр считал очень важной: подпись повышала ответственность чиновника за принятое решение.

В государственном учреждении, как в воинской части, вводилась присяга служащих, которые обещали «честно, чисто и неленостно» трудиться, соблюдать интересы государства. Созданный Петром Сенат просуществовал до 1917 года и всегда был одним из важнейших элементов системы управления Российской империей.

Где взять деньги на войну?

Как видно из указа об образовании Сената, ему поручалось наблюдение прежде всего за правосудием и финансами. В указе Сенату Петр дает образное сравнение финансов с системой кровообращения, которая питает организм необходимыми веществами. Кто имеет больше денег, тот и победит в войне – такова главная мысль царя. Но откуда же брать деньги? Петр требовал, чтобы их экономили, устранили ненужные расходы. Кроме того, царь считал, что нужно развивать торговлю с другими странами, в особенности с Китаем и Персией. Перепродажа восточных товаров на Запад была одной из самых выгодных статей дохода и давала в казну много денег.

Крупным источником денег для казны были различные откупа, монополии. Допустим, люди нуждаются в каком-нибудь продукте, например, в соли. Государство заключает соглашение с неким купцом или компанией, которая берется поставлять этот продукт и продавать его покупателям. За право такой поставки и продажи эти купцы сразу платили государству большие деньги, то есть выкупали, откупали все соляное дело на какое-то время. В свою очередь, государство уже не позволяло добывать и продавать соль другим купцам и компаниям кроме тех, с которыми было заключено соглашение. Это и было монополия, откуп. Такая операция приносила государству, или как тогда говорили – казне, сразу много денег. А поскольку важных для людей товаров было немало, то и откупов вводили много. Большие прибыли казна получала и от перечеканки серебряной и медной монеты – основного вида денег, ходивших в России. Это действие называлось переделом. Старые монеты расплавляли и из этого металла чеканили новые монеты того же достоинства, но при этом количество серебра в каждой из них уменьшали. Иначе говоря, из одного фунта (400 г) серебра раньше чеканили серебряных монет на 10 рублей, а теперь – на 14 рублей, то есть государство получало с монетного передела дополнительные деньги (4 рубля с каждых 10 рублей) и пускало их на свои нужды. Однако это было порчей монеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.